

АЛИСИЯ РОУДЕН

ПОКА МЫ УМИРАЛИ

ОНИ ОБЕЩАЛИ ПОБЕДИТЬ БОЛЕЗНИ.
ОНИ ПРОСТО РЕШИЛИ, КОМУ ПОЗВОЛЕНО ЖИТЬ.

А. Роуден

Пока мы умирали

«Автор»

2026

Роуден А.

Пока мы умирали / А. Роуден — «Автор», 2026

Они обещали победить болезни. Они просто решили, кому позволено жить. 2041 год. Вера Соколова работает с медицинскими архивами и привыкла доверять документам. Но однажды она обнаруживает запись, которая не должна существовать, а затем узнаёт: её собственная жизнь связана с секретным исследовательским проектом «Эдем». Когда-то он давал надежду тем, кого медицина считала безнадежными. Но за прорывом скрывалась «Мера» — система, способная превращать медицинские прогнозы в приговоры. Кому достанется лечение? Чью жизнь признают достойной спасения? И что произойдёт, если алгоритм ошибётся, а люди откажутся это признать? В поисках правды о смерти отца Вера столкнётся с предательством, семейными тайнами и людьми, которые ради великой цели научились распоряжаться чужими судьбами. Но чем ближе она к разгадке, тем яснее понимает: самое страшное — не технология, которая ошибается. Самое страшное — люди, уверенные, что имеют право решать за других.

© Роуден А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Человек, которого не было	5
Глава 1. Обыкновенный вторник	10
Глава 2. Ошибка в архиве	27
Глава 3. Диагноз, которого не существует	45
Глава 4. Письмо от отца	58
Глава 5. Люди, которые не должны были выздороветь	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

А. Роуден

Пока мы умирали

Пролог. Человек, которого не было

В ту ночь над городом шёл дождь, и вода стекала по стеклянным стенам здания так, словно кто-то снаружи пытался стереть его с лица земли.

Мужчина стоял перед турникетом, придерживая под мышкой плоскую чёрную папку. На нём было тёмное пальто, промокшее на плечах, и старый серый шарф, который он то и дело поправлял, хотя в холле было тепло. В отражении стеклянной двери он выглядел человеком, вернувшимся с похорон: усталым, немного сутулым, слишком взрослым для надежды и слишком живым для окончательного отчаяния.

На электронном табло над проходной светилось:

НАУЧНО-КЛИНИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «СЕВЕР». ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

Мужчина посмотрел на часы.

23:47.

До полуночи оставалось тринадцать минут.

— Фамилия? — спросил охранник.

Он сидел за стойкой, перед ним стоял бумажный стаканчик с остывшим кофе. На экране его телефона шёл футбольный матч без звука. Молодой, гладко выбритый, с воспалённой кожей на подбородке, охранник смотрел на посетителя так, как смотрят на людей, которые нарушают привычный порядок и тем самым портят вечер.

— Громов.

— Вас нет в списке.

— Позвоните доктору Левиной.

— Если вас нет в списке, я не могу вас пропустить.

— Я понимаю.

Мужчина положил папку на стойку.

— Тогда просто передайте ей это.

Охранник не притронулся к папке.

— Что там?

— То, что она просила уничтожить.

Теперь молодой человек всё-таки посмотрел на него внимательно.

— Подождите здесь.

Он нажал кнопку на внутреннем телефоне и заговорил негромко, почти шёпотом. Мужчина не пытался разобрать слова. Он смотрел на свои руки.

Когда-то эти руки были сильными. Он помнил, как держал ими маленькую дочь, когда та ещё не умела сидеть, как придерживал её затылок, боясь сделать лишнее движение. Помнил запах детского шампуня, тёплую тяжесть ребёнка на груди, крошечные пальцы, цеплявшиеся за воротник рубашки.

Он не видел дочь девять лет.

Последнее, что он о ней знал, — она пошла в школу. На фотографии, которую ему передали через посредника, у неё были неровно подстриженные волосы и два передних зуба, между которыми зияла смешная щель. Она улыбалась в камеру так, словно фотографировавший её человек был самым добрым на свете.

Он не знал, как она выглядит теперь. Не знал, какой у неё голос, что она любит, кем мечтает стать. Иногда, просыпаясь среди ночи, он пытался представить, как она произносит его имя. В такие минуты ему казалось, что он постепенно забывает даже звук собственного голоса.

Из коридора за турникетами вышла женщина в белом халате. Она была высокой, худой, с короткими седыми волосами и тонким шрамом, пересекавшим левую бровь. Женщина двигалась быстро, но у самой стойки остановилась.

— Вы не должны были приходить, — сказала она.

— Знаю.

— Вы понимаете, что теперь нас обоих придётся...

— Не говорите так, будто мы обсуждаем испорченный отчёт, Елена.

Она замолчала.

В этом молчании было больше усталости, чем страха.

— Отдайте мне папку, — сказала женщина.

— Сначала вы ответите на один вопрос.

— У нас нет времени.

— Именно поэтому.

Он придвинул папку к краю стойки, но не выпустил её из рук.

— Когда вы впервые поняли, что они собираются использовать разработку не для лечения?

Елена посмотрела на охранника.

— Уйдите, — приказала она.

— Но...

— Сейчас же.

Молодой человек поднялся так поспешно, что его стул ударился о стену. Он исчез за дверью служебного помещения. В холле остались только двое, дождь за стеклом и камера наблюдения под потолком.

Елена сняла очки и протёрла их краем халата.

— В 1989 году, — сказала она. — Я была молодой исследовательницей. Мне показали модель, которая объясняла, что произойдёт с планетой при сохранении прежних темпов потребления. Ресурсы, климат, продовольствие. Потом показали прогнозы войн. Миграций. Массового голода. И сказали, что у нас есть возможность избежать катастрофы.

— С помощью эпидемий?

— Тогда речь шла о контроле рождаемости, ограничении доступа к ресурсам, медицинских программах. Всё выглядело разумно. По крайней мере, так нам объясняли.

— А потом?

Она посмотрела на папку.

— Потом появились люди, которые решили, что разумность — это право выбирать за остальных.

Громов кивнул. Он будто ожидал услышать именно эти слова, но всё равно испытал странное облегчение: пока кто-то мог произнести правду вслух, она ещё существовала.

— А «Эдем»? — спросил он. — Вы ведь понимали, что он способен спасти миллионы.

— Да.

— Вы понимали, что его прячут.

— Да.

— И всё равно продолжали работать.

Елена вздрогнула, словно он ударил её.

— У меня была дочь.

— У меня тоже.

Они смотрели друг на друга. Два человека, которые когда-то оправдывали собственное молчание любовью к детям, и теперь уже не могли сказать, кого именно этой любовью предали.

— Что в папке? — спросила Елена.

— Копии первых клинических результатов. Переписка комиссии. Списки пациентов. Подлинные причины смерти нескольких людей, которых официально объявили жертвами естественных вспышек заболеваний.

— Вы понимаете, что это значит?

— Теперь понимаю.

— Если эти документы попадут наружу, начнутся беспорядки. Люди перестанут доверять врачам. Будут нападать на больницы. Миллионы решат, что любое заболевание создано намеренно. Начнутся самосуды. Никто не станет разбираться, кто виноват, а кто просто выполнял свою работу.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Громов посмотрел на неё почти с нежностью.

— Потому что я больше не могу объяснять себе, что молчание кого-то спасает.

За стеной тихо загудел лифт.

Елена протянула руку к папке, но он отступил.

— Есть ещё кое-что, — сказал он. — То, чего нет в этих документах.

— Что?

— Они собираются закрыть программу.

— Она закрыта уже двенадцать лет.

— Нет. Они собираются закрыть её по-настоящему. Уничтожить лаборатории, архивы, образцы. И всех, кто способен доказать, что «Эдем» существует.

Лицо женщины изменилось.

— Откуда вы это знаете?

— Потому что мне поручили составить список.

Елена медленно опустила руку.

— И вы его составили?

— Да.

— Боже мой...

— В нём стояло моё имя.

Он открыл папку. На первой странице лежала таблица с десятками фамилий, датами рождения и короткими пометками. В некоторых строках были указаны адреса. В других — номера больничных палат. Несколько фамилий перечёркивали красные линии.

Елена наклонилась над бумагами.

Внизу последней страницы стояла одна строка, выделенная жирным.

СОКОЛОВА, ВЕРА АНДРЕЕВНА. ДАТА РОЖДЕНИЯ: 17.04.2010. СТАТУС: НАБЛЮДЕНИЕ.

Елена подняла глаза.

— Кто она?

— Моя дочь.

Впервые за весь разговор Громов улыбнулся. Улыбка вышла короткой, болезненной и совершенно неуместной.

— Она ничего не знает. Я добился, чтобы её оставили в покое. Девять лет назад я согласился исчезнуть, отказаться от имени, от работы, от семьи. Я думал, если стану никем, они забудут о ней.

— Но не забыли.

— Нет.

Он вынул из папки маленький накопитель и положил его перед женщиной.

— Здесь всё. Не только документы. Записи заседаний. Имена. Переписка. И результаты последнего исследования.

— Какого исследования?

— «Эдем» больше не требует пожизненного сопровождения. Его можно производить дёшево. Очень дёшево, Елена. Они скрывают не просто лекарство. Они скрывают конец целой индустрии, построенной на том, что люди боятся заболеть.

Елена смотрела на накопитель, словно он был живым существом.

— Если я возьму это, я не смогу остановить последствия.

— А если не возьмёте, не сможете остановить то, что будет дальше.

В этот момент свет в холле погас.

Не весь — только верхние лампы. Красные аварийные полосы вспыхнули вдоль пола, а на турникетах загорелись маленькие огни. Где-то глубоко в здании раздался сигнал тревоги. Не пронзительный, как пожарная сирена, а низкий, тягучий, напоминающий звук корабля, который подаёт сигнал в тумане.

Елена выпрямилась.

— Они знают, что вы здесь.

— Да.

— Вы привели их ко мне.

— Нет. Они всегда были здесь.

За стеклянными дверями остановился чёрный автомобиль. Из него вышли двое мужчин в тёмных куртках. Один остался у машины, второй направился к входу.

Громов закрыл папку.

— Слушайте меня внимательно. Через несколько дней вы получите звонок из городской больницы. В архиве обнаружится ошибка. Одна запись окажется не на своём месте. В ней будет фамилия моей дочери.

— Что мне делать?

— Ничего. Не ищите её. Не связывайтесь с ней. Просто позвольте ошибке остаться ошибкой.

— А если они найдут её раньше?

Громов впервые за вечер отвёл взгляд.

— Тогда я не знаю, что вам ответить.

Дверь открылась.

В холл вошёл мужчина с гладким лицом и маленьким прозрачным наушником в ухе.

— Доктор Левина, — произнёс он. — Вас ожидают.

Елена посмотрела на Громова.

Он успел вложить накопитель в её ладонь.

— Не спасайте меня, — сказал он тихо. — Спасите то, что ещё можно спасти.

После этого всё произошло очень быстро.

Мужчина у двери взял Громова под локоть. Тот не сопротивлялся. Его провели через турникет, мимо стойки, к боковому выходу, где дождь уже почти превратился в снег.

Елена осталась в холле.

На полу лежала раскрытая папка. Бумаги разлетелись по мокрым следам, оставленным чужими ботинками. Она опустилась на колени и начала собирать их — одну за другой, с такой тщательностью, словно порядок листов ещё мог что-то исправить.

В 00:16 она вошла в служебный лифт.

В 00:23 система зарегистрировала её пропуск в лабораторном секторе.

В 00:41 с внутреннего сервера исчезли записи о ночном посещении.

В 01:08 камеры наблюдения зафиксировали, как женщина в белом халате покинула здание через северный выход. В руках у неё была пустая папка.

В 01:12 её пропуск перестал существовать.

В 01:15 имя Елены Левиной исчезло из действующего реестра сотрудников комплекса.

Через три дня её объявили уволившейся по собственному желанию.

Через неделю никто в «Севере» уже не мог вспомнить, когда видел её в последний раз.

А через двадцать семь лет, в обычный вторник, в архиве городской больницы Нижнего города обнаружилась одна лишняя медицинская карта.

На обложке стояла фамилия Соколова.

И имя Вера.

Глава 1. Обыкновенный вторник

Вера Соколова ненавидела будильник.

Не потому, что он звонил слишком громко, и не потому, что мелодия была неприятной. Просто каждое утро он сообщал ей одну и ту же новость: ночь закончилась, а жизнь, которую она собиралась когда-нибудь начать, так и не наступила.

В 6:40 телефон завибрировал на тумбочке. Вера не открыла глаз. Протянула руку, нащупала прохладный прямоугольник экрана и выключила сигнал, не глядя. На несколько секунд в комнате воцарилась тишина, если не считать негромкого гула вентиляции и дождя, который барабанил по подоконнику.

Она любила эти несколько секунд.

В них ещё не существовало ни работы, ни счетов, ни необходимости отвечать на сообщения, ни чужих ожиданий. Не существовало даже самой Веры — той женщины, которая должна была встать, умыться, одеться, приготовить кофе и выйти из квартиры ровно в семь двадцать, чтобы успеть на автобус.

Было только тёплое одеяло, темнота и возможность притвориться, что день ещё не начался.

Телефон завибрировал снова.

— Да чтоб тебя, — пробормотала Вера.

На этот раз она посмотрела на экран. Будильник был установлен на 6:45. Значит, она отключила первый и тут же заснула. Такое с ней случалось всё чаще.

За окном медленно светлело небо. На противоположной стороне улицы горели окна жилого дома — ровные прямоугольники света, за каждым из которых кто-то уже проснулся, собирал детей в школу, принимал душ, ссорился из-за немытой посуды или стоял перед открытым холодильником, пытаясь вспомнить, зачем вообще туда заглянул.

Вера иногда думала, что города держатся не на дорогах, электричестве и законах, а на миллионах людей, которые каждое утро заставляют себя подняться с постели, хотя никто из них толком не знает, ради чего повторяет вчерашний день.

Впрочем, такие мысли обычно приходили к ней до кофе.

Она села, откинула одеяло и посмотрела на пустую половину кровати.

На простыне осталась неглубокая складка, которая постепенно расправлялась. Артём уехал вчера вечером, сказав, что утром ему нужно заехать к заказчику. Они прожили вместе три года, из которых последние полгода Вера всё чаще ловила себя на том, что воспринимает его отсутствие не как одиночество, а как дополнительное пространство.

Это было неприятное открытие.

Когда-то она любила засыпать, прижавшись к нему спиной. Ей нравилось чувствовать, как он во сне накрывает её руку своей, словно даже бессознательно проверяет, на месте ли она. Теперь она порой ждала, когда он повернётся к стене, чтобы можно было спокойно вытянуть ноги.

Она не считала это концом любви. По крайней мере, пока не считала.

Любовь, думала Вера, редко заканчивается в тот момент, когда люди перестают любить друг друга. Чаще она заканчивается гораздо позже — когда оба привыкают жить так, будто ничего уже нельзя изменить.

Она встала и босиком прошла на кухню.

Квартира была маленькой, двухкомнатной, с узким коридором и окнами во двор. Они снимали её на третьем этаже дома, построенного ещё в начале двадцатых годов. На лестничной площадке пахло сыростью, в лифте постоянно заедала кнопка седьмого этажа, а в ванной комнате никак не удавалось победить чёрную полосу плесени у вентиляционной решётки.

Зато здесь была большая кухня.

Вера сама выбрала стол — деревянный, с потёртой столешницей и неровными ножками. Артём тогда сказал, что проще купить новый, но она настояла на своём. Ей нравились вещи, у которых была история, даже если эта история заключалась в том, что кто-то однажды уронил на них тяжёлую кастрюлю.

На холодильнике висели два магнита из поездок, в которых она почти ничего не помнила, и бумажка с номером сантехника. Рядом, под прозрачным пластиковым держателем, лежал список расходов на октябрь.

Список был написан её рукой.

Аренда. Коммунальные услуги. Продукты. Кредит. Транспорт. Интернет.

Внизу, мелким почерком:

Перестать заказывать еду.

Вера посмотрела на эту строку и усмехнулась.

— Обязательно, — сказала она самой себе.

Она включила кофемашину, открыла холодильник и достала контейнер с вчерашней гречкой. В контейнере обнаружилась вилка. Вера не помнила, как она там оказалась, но вынула её, вымыла и положила на стол.

На экране телефона появилось сообщение от банка.

Напоминаем: платёж по кредиту должен быть внесён не позднее 15 октября.

Она смахнула уведомление.

Следом пришло сообщение от младшего брата.

Мишка: Вер, ты сегодня можешь перевести две тысячи? Мне до пятницы совсем не хватает. Я верну, честно.

Вера закрыла глаза.

Мишке было двадцать три. Он учился, подрабатывал, бросал подработки, снова находил их, обещал закончить обучение, обещал больше не просить денег и каждый раз выглядел искренне удивлённым, когда жизнь оказывалась дороже, чем он рассчитывал.

Она любила его. Наверное, даже сильнее, чем позволяла себе показывать. В детстве он часто засыпал у неё на плече, когда родители ругались за стеной. Вера тогда была подростком и не умела ничего исправить, поэтому просто сидела рядом с ним на диване, пока он не переставал всхлипывать.

С тех пор ей казалось, что забота — это когда ты не позволяешь человеку почувствовать себя брошенным, даже если сама едва держишься на ногах.

Она открыла банковское приложение.

Остаток на счёте был меньше, чем она надеялась.

Вера перевела брату две тысячи.

Мишка: Ты лучшая. Я серьёзно. Спасибо.

Она ничего не ответила. Не потому, что сердилась. Просто ей не хотелось писать, что эти две тысячи она собиралась потратить на новые ботинки. Старые промокали в дождь, и у левого каблука уже начала отходить подошва.

Можно было купить ботинки через неделю.

Или через месяц.

Или весной.

Она давно научилась переносить собственные желания на неопределённое будущее, словно те были встречами, которые несложно отменить.

Кофемашина щёлкнула. Вера налила кофе в кружку с отколотой ручкой, добавила немного молока и подошла к окну.

Во дворе мужчина в светлой куртке пытался посадить ребёнка в машину. Мальчик упирался, размахивал руками и что-то кричал. Мужчина говорил с ним терпеливо, потом устало,

потом снова терпеливо. В какой-то момент он поднял ребёнка на руки, прижал к себе и несколько секунд просто стоял, покачиваясь под дождём.

Вера не знала, почему эта сцена вдруг показалась ей такой трогательной.

Возможно, потому, что мальчик был маленьким и ещё не понимал, сколько раз в жизни ему придётся делать что-то против собственного желания. А мужчина, вероятно, уже понимал, но всё равно нёс его к машине, потому что иначе они оба опоздали бы туда, куда должны были попасть.

Она допила кофе, поставила кружку в раковину и пошла одеваться.

В семь двадцать две Вера вышла из квартиры.

В семь двадцать четыре вернулась за пропуском.

В семь двадцать семь снова вышла, проверив, закрыта ли дверь.

В семь тридцать две автобус ушёл у неё из-под носа.

— Прекрасно, — сказала Вера.

Она могла бы вызвать такси, но это означало ещё одну незапланированную трату. Поэтому она пошла пешком до следующей остановки, придерживая сумку локтем и пытаясь одновременно застегнуть пальто.

Дождь был мелким и неприятным. Он не падал с неба, а словно существовал в воздухе — оседал на волосах, ресницах и воротнике, забирался под одежду и делал всё вокруг одинаково серым.

На перекрёстке большой экран показывал утренний выпуск новостей.

«...Министерство здравоохранения подтвердило начало третьего этапа программы профилактического долголетия. Согласно опубликованному отчёту, средняя продолжительность активной жизни граждан за последние десять лет увеличилась на четыре месяца. Специалисты связывают динамику с развитием персонализированной медицины и расширением системы ранней диагностики...»

Вера слышала только последние слова. Она как раз обходила лужу, в которой отражались светящиеся буквы рекламного щита.

На экране сменились кадры. Улыбающаяся женщина в белом халате рассказывала о новых возможностях диагностики, а за её спиной на огромной панели вращалась полупрозрачная модель человеческого тела. Внутри модели мягко мерцали органы.

БУДУЩЕЕ, В КОТОРОМ БОЛЕЗНЬ НЕ ЗАСТАНЕТ ВАС ВРАСПЛОХ.

Ниже шла реклама частной клиники.

Проверьте здоровье сегодня. Позаботьтесь о завтрашнем дне.

Вера невольно усмехнулась.

Она работала в больнице восемь лет и знала, что большинство людей приходят заботиться о завтрашнем дне только тогда, когда сегодня у них что-нибудь заболело.

Впрочем, она не была исключением.

Последний раз Вера проходила полноценное обследование три года назад. Тогда врач обнаружил у неё дефицит железа, посоветовал изменить питание и выписал препарат, который она принимала ровно одиннадцать дней, после чего забыла о нём. Потом началась работа, затем переезд, затем проблемы у Мишки, потом отец заболел, а потом умер.

В какой-то момент собственное здоровье стало казаться ей чем-то вроде мелкого бытового долга. Неприятно, но не срочно. Можно заняться позже, когда появится время.

У автобуса собралась толпа. Люди стояли, уткнувшись в телефоны, и почти не разговаривали. Над их головами висел другой экран — уже без звука. На нём крутили социальную рекламу о донорстве органов. Молодая девушка смотрела прямо в камеру.

«После моей смерти кто-то сможет жить дальше».

Вера отвернулась.

Она никогда не любила рекламу, которая требовала от человека заранее примириться с собственной смертью. Смерть и без того была достаточно настойчивой, чтобы не нуждаться в рекламной поддержке.

Автобус пришёл через семь минут.

Вера втиснулась в салон, прижалась плечом к мокрому пальто незнакомца и достала телефон. В рабочем чате уже было четыре сообщения от начальницы.

Ирина Павловна: Вера, доброе утро. Напоминаю, сегодня выгружаем архив за второй квартал.

Ирина Павловна: Проверьте расхождения по старым историям болезни.

Ирина Павловна: И пожалуйста, без задержек. Отчёт нужен к пятнице.

Вера набрала: «Доброе утро. Приняла».

Стерла.

Набрала: «Доброе утро, сегодня всё проверю».

Отправила.

В автобусе пахло мокрой шерстью, дешёвым парфюмом и кофе из бумажного стаканчика, который кто-то держал на уровне её плеча. На повороте автобус резко качнуло. Мужчина рядом выругался, женщина впереди прижала к себе пакет с продуктами, а мальчик в школьной форме засмеялся.

Вера посмотрела на него.

Он сидел у окна, в наушниках, и смотрел короткие ролики на телефоне. На экране мелькали лица, собаки, какие-то нелепые падения и люди, которые кричали от восторга. Мальчик смеялся каждый раз, когда кто-то падал.

Вера подумала, что, наверное, в этом возрасте жизнь действительно кажется бесконечной. Не потому, что человек верит в бессмертие, а потому, что ещё не научился измерять время потерями.

Потом автобус остановился, двери раскрылись, и мальчик вышел вместе с остальными.

Вера осталась внутри.

Она ехала ещё четыре остановки, глядя на собственное отражение в тёмном стекле. У неё были карие глаза, чуть заметные тени под ними и привычка хмуриться, когда она пыталась сосредоточиться. В последние годы лицо стало взрослее, чем ей хотелось. Не старше — именно взрослее. В нём появилось что-то от людей, которые слишком часто отвечают на вопрос «Как дела?» словом «Нормально».

Когда она вышла у больницы, часы показывали 8:19.

До начала рабочего дня оставалась одна минута.

Городская клиническая больница № 14 занимала три корпуса, соединённых крытыми переходами. Старое кирпичное здание хирургического отделения соседствовало с новым диагностическим центром, фасад которого был облицован светлыми панелями. На крыше вращались вентиляционные установки, а над главным входом висел экран с расписанием приёма специалистов.

Больница выглядела современной, если смотреть на неё издалека.

Вблизи всё было иначе.

У бокового входа облупилась краска. В коридоре первого этажа периодически пахло канализацией. На третьем этаже уже полгода обещали заменить двери, а в комнате отдыха персонала стоял холодильник, который гудел так громко, что его приходилось выключать на ночь.

Вера любила это место.

Не каждый день. Не каждую минуту. Иногда ей хотелось уволиться, уехать к морю и устроиться в книжный магазин, где никто не знал бы, что такое код медицинского учреждения и почему нельзя просто удалить дубликат записи.

Но больница была честной в своей несовершенности.

Здесь люди не становились лучше от красивых стен. Они не переставали бояться, не начинали больше любить близких и не приобретали внезапно мудрость только потому, что оказались рядом с медицинским оборудованием.

Здесь человек мог всю жизнь откладывать разговор с дочерью, а потом просить позвать её, когда уже не мог говорить. Мог ругать жену за невкусный суп, а через час спрашивать у медсестры, не холодно ли ей стоять у окна. Мог бояться укола сильнее, чем смерти, и стыдиться этого страха.

Вера видела сотни таких историй. Тысячи, если считать документы, которые проходили через её руки.

Она не спасала людей. Она следила за тем, чтобы их истории не терялись.

Это казалось ей достаточно важным занятием.

На проходной она приложила пропуск к считывателю.

— Опять опаздываем? — спросила охранница Тамара Семёновна, не поднимая головы.

— На одну минуту.

— У вас всё на одну минуту. И автобус, и жизнь.

— Зато стабильно.

Тамара Семёновна фыркнула.

— Стабильно у нас только отчёты. Проходите.

Вера прошла по коридору, свернула к лестнице и поднялась на второй этаж. Её кабинет находился в конце длинного служебного коридора, за дверью с выцветшей табличкой: ОТДЕЛ МЕДИЦИНСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ И АРХИВНОГО КОНТРОЛЯ.

На табличке не хватало двух винтов, поэтому она висела немного криво.

Вера каждый день обещала себе её поправить.

Сегодня тоже обещала.

В кабинете уже сидела Лида, старшая архивистка. Ей было пятьдесят шесть, она носила яркие шарфы, знала наизусть дни рождения всех сотрудников и считала, что любая проблема решается либо крепким чаем, либо своевременным звонком нужному человеку.

— Ты мокрая, — сказала она вместо приветствия.

— На улице дождь.

— А я думала, ты в бассейне плавала. Снимай пальто, сейчас чай поставим.

— Мне отчёт надо закончить.

— Отчёт от тебя никуда не денется. А простуда денется, если ты её непустишь.

Лида поднялась, достала из шкафа чайник и принялась искать коробку с пакетиками.

Вера повесила пальто на крючок, включила компьютер и поставила сумку под стол.

Рабочий экран приветствовал её серой заставкой. Система загружалась медленно, будто тоже не выпалась.

— Ты новости видела? — спросила Лида.

— Какие?

— Опять что-то с программой долголетия. Говорят, хотят включить её в обязательную страховку.

— Это же хорошо, нет?

— Если бесплатно, то хорошо. Если потом выяснится, что бесплатно только первый анализ, а за всё остальное плати, то как обычно.

— Ты оптимистка.

— Я просто давно живу.

Лида поставила перед Верой чашку и вернулась к своему столу.

— Кстати, тебе вчера звонили.

— Кто?

— Не знаю. Мужчина. Представился сотрудником какого-то центра медицинских исследований. Сказал, что ему нужно уточнить информацию по старым архивам.

Вера подняла голову.

— Какого центра?

— Не расслышала. Связь плохая была. Я сказала, что ты сегодня будешь, и он пообещал перезвонить.

— А номер оставил?

— Нет.

— И ты не спросила?

Лида посмотрела на неё поверх очков.

— Верочка, я работаю здесь двадцать семь лет. Если бы я каждый раз записывала номера всех людей, которым что-то нужно от архива, мне пришлось бы завести отдельный архив для номеров.

Вера улыбнулась.

— Ладно. Если позвонит, переведи на меня.

— Конечно.

Они обе повернулись к компьютерам.

Рабочий день начался.

К одиннадцати утра Вера успела проверить сто сорок семь медицинских записей, обнаружить три технические ошибки и получить от Ирины Павловны сообщение с вопросительным знаком.

Она ответила, что всё в работе.

Ирина Павловна поставила реакцию в виде большого пальца вверх. Вера никогда не понимала, почему начальница использует этот значок вместо обычного «хорошо». Возможно, так было быстрее. Возможно, она считала, что большой палец создаёт ощущение командного духа.

В половине двенадцатого Вера пошла за водой и встретила в коридоре молодого врача из терапевтического отделения.

— Вера Андреевна, можно вопрос?

Она остановилась.

— Конечно.

— У вас же старые истории болезни хранятся? До две тысячи двадцатого года?

— Часть в электронном архиве, часть в бумажном. А что нужно?

— Пациент. У него в системе стоит одна дата госпитализации, а в выписке другая. Я хотел уточнить, что было в оригинале.

— Фамилия?

Врач назвал фамилию и продиктовал номер истории болезни.

Вера записала его на обороте чека, который нашла в кармане халата.

— Я проверю.

— Спасибо. Просто там какая-то странная история. В карте написано, что пациент умер, а в другом документе — что его выписали.

— Такое бывает при переносе старых данных.

— Да, я тоже так подумал.

Врач ушёл, а Вера ещё несколько секунд смотрела на записанный номер.

Она знала, что такие ошибки встречаются. Иногда документы объединяли неправильно. Иногда пациенту присваивали новый идентификатор после перевода в другую больницу. Иногда записи дублировались, если человек менял паспорт или обращался в несколько медицинских учреждений.

Это не было загадкой. Это была работа.

И всё же фамилия показалась ей знакомой.

Вера вернулась в кабинет, открыла электронный архив и ввела номер истории болезни. Система выдала сообщение: ЗАПИСЬ НЕ НАЙДЕНА.

Она попробовала ещё раз.

Тот же результат.

Тогда Вера ввела фамилию, имя и год рождения. Поиск занял несколько секунд, после чего на экране появилось четыре результата. Три относились к другим людям. Четвёртая запись была помечена жёлтым значком.

СТАТУС: АРХИВНАЯ КОРРЕКЦИЯ. ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

Вера нахмурилась.

Ограничение доступа означало, что запись была закрыта для обычного просмотра. Такое случалось, если документы содержали персональные данные особой категории, сведения о судебно-медицинской экспертизе или материалы, которые требовали дополнительной проверки.

Она нажала на запись.

Система запросила подтверждение полномочий.

Вера ввела свой служебный пароль.

На экране появилась карточка пациента.

Фамилия. Имя. Дата рождения. Дата поступления. Предварительный диагноз.

И дата смерти.

Вера перечитала строку.

Затем ещё раз.

Дата смерти была указана за девять лет до даты последующего лечения.

Она открыла раздел с выписками. Там действительно значилось, что пациент прошёл курс терапии, после чего был выписан в удовлетворительном состоянии.

Вера откинулась на спинку кресла.

— Лида, — позвала она.

— М-м?

— Ты не знаешь, кто занимается корректировкой архивных записей?

— Технический отдел. А что?

— Тут какая-то ошибка.

— Какая?

— Человек умер, а потом его выписали.

Лида оторвалась от монитора.

— Ну, значит, воскрес.

— Очень смешно.

— А я и не шучу. Ты бы видела, что иногда приходит из районных поликлиник. Там один дедушка умудрился одновременно числиться в трёх местах и в одном из них быть женщиной.

Вера снова посмотрела на экран.

— Нет, тут другое.

Она открыла историю изменений. Обычно система показывала дату внесения записи, имя сотрудника и краткое описание корректировки. В данном случае раздел был пуст.

Не просто пуст — отключён.

Вместо журнала изменений стояла короткая надпись:

ИСТОРИЯ ИЗМЕНЕНИЙ НЕДОСТУПНА.

Вера почувствовала раздражение. Не страх, не предчувствие, не тот особенный холод, который испытывают герои фильмов, когда находят тайный документ. Просто профессиональное раздражение человека, которому предстоит разбираться с чужой ошибкой, а система не даёт необходимых инструментов.

Она сделала снимок экрана и отправила запрос в технический отдел.

Потом закрыла карточку.

Через минуту открыла снова.

Ей хотелось убедиться, что она ничего не перепутала.

Дата смерти осталась прежней.

Вера записала номер обращения в блокнот, поставила рядом звёздочку и вернулась к отчёту.

Она ещё не знала, что именно этот момент впоследствии будет вспоминать чаще всего. Не первый звонок, не угрозы, не документы с грифом секретности. А эти несколько минут, когда она могла закрыть карточку, забыть о ней и продолжить обычный вторник.

Потому что иногда жизнь меняется не тогда, когда происходит что-то невероятное.

Иногда она меняется, когда ты решаешь не проходить мимо маленькой ошибки.

В обед Вера сидела в больничной столовой напротив Лиды и ковыряла вилкой запеканку.

Столовая находилась в подвальном этаже. На стенах висели плакаты о правильном питании, а над кассой работал телевизор, который никто не смотрел, но никто и не выключал. Сегодня там обсуждали новые правила медицинского страхования.

Ведущий говорил о доступности профилактических программ, необходимости рационального распределения ресурсов и важности доверия между гражданами и государством.

Лида слушала вполуха.

— Ты чего не ешь?

— Ем.

— Ты её уже десять минут мучаешь. Она тебе ничего плохого не сделала.

Вера отложила вилку.

— Лид, а ты когда-нибудь задумывалась, почему некоторые люди получают лечение, а другие нет?

— Каждый день.

— И?

— И что? — Лида пожала плечами. — Потому что денег не хватает. Потому что врач ошибся. Потому что в одном месте оборудование новое, а в другом его с девяностых не меняли. Потому что кому-то повезло, а кому-то нет. Ты же знаешь, как устроена медицина.

— Знаю.

— Тогда чего спрашиваешь?

Вера помолчала.

— Просто иногда кажется, что мы привыкли считать нормальным то, что нормальным быть не должно.

Лида внимательно посмотрела на неё.

— Например?

Вера хотела рассказать про архивную запись, но почему-то не стала.

— Например, что люди умирают от того, что у них нет денег на лечение.

Лида медленно положила вилку на тарелку.

— А ты думаешь, я об этом не думаю? У меня муж умер в пятьдесят два. Мы полгода собирали документы, ходили по кабинетам, пытались попасть на обследование раньше. Я до сих пор помню, как он сидел на кухне и спрашивал, сколько стоит операция. Не потому, что боялся операции. Он боялся, что я продам квартиру.

Она говорила спокойно, без слёз. Вера знала эту историю, но Лида редко рассказывала её целиком.

— Я тогда сказала ему, что мы всё решим, — продолжила она. — Соврала, конечно. Я вообще много ему врала в последние месяцы. Говорила, что всё будет хорошо. Что врачи знают, что делают. Что надо потерпеть. А сама по ночам сидела на кухне и считала деньги.

Она взяла стакан воды.

— Так что да, Верочка. Я тоже думаю, что так быть не должно. Только от моих мыслей ничего не меняется.

Вера посмотрела на неё и почувствовала стыд за свой вопрос. Он прозвучал слишком легко, словно несправедливость была для неё новой темой, которую она только что обнаружила.

— Прости.

— За что?

— Не знаю.

— Вот и не извиняйся за всё подряд. У тебя от этого жизнь лучше не станет.

Лида снова взялась за вилку.

На телевизоре показали ребёнка в больничной палате. Он лежал под белым одеялом и улыбался кому-то за кадром. Ведущий назвал программу, благодаря которой дети с редкими заболеваниями могли получать дорогостоящую терапию.

Вера вдруг вспомнила отца.

Он тоже лежал под белым одеялом. Только не улыбался. В последние дни он почти не открывал глаза, а когда всё-таки смотрел на неё, казалось, что пытается запомнить её лицо.

Вера тогда была двадцать четыре года, и ей казалось, что времени ещё много. Она не знала, что можно провести рядом с человеком целый день и всё равно не сказать самого важного.

Отец умер через три недели после того, как врачи обнаружили осложнение.

В свидетельстве о смерти значилось редкое заболевание, о котором Вера прежде никогда не слышала. Ей объяснили, что оно развивается стремительно и почти не поддаётся лечению. Она читала медицинские статьи, искала клинические исследования, задавала вопросы лечащему врачу.

Ответы были одинаковыми: случай сложный, прогноз неблагоприятный, медицина не всесильна.

Она ненавидела последнюю фразу.

Не потому, что она была неправдой. А потому, что ею так удобно было заканчивать любой разговор, в котором больше не оставалось надежды.

— Ты опять об отце думаешь? — тихо спросила Лида.

Вера подняла голову.

— Почему ты решила?

— У тебя лицо такое становится.

— Какое?

— Будто ты пытаешься кому-то что-то доказать.

Вера ничего не ответила.

Она доела запеканку, хотя та уже остыла, и вернулась к работе раньше окончания перерыва.

В три часа дня позвонил незнакомый номер.

Вера смотрела на экран несколько секунд, прежде чем ответить.

— Слушаю.

— Вера Андреевна Соколова?

Голос был мужским, негромким и удивительно спокойным. Так разговаривают люди, которые привыкли, что их слушают.

— Да.

— Меня зовут Павел Сергеевич. Я представляю исследовательский центр медицинских архивов. Мне сообщили, что сегодня вы работали с одной из наших старых записей.

Вера выпрямилась.

— Каких именно записей?

— История болезни пациента, госпитализированного в вашей больнице в 2014 году. Запись была передана вам для технической проверки.

— Она не была передана мне. Я нашла её самостоятельно.

На том конце возникла пауза.

— Понимаю. Вероятно, произошло недоразумение.

— Что это за центр?

— Мы занимаемся восстановлением медицинских данных и проверкой исторических клинических материалов. Работаем по договору с несколькими учреждениями.

— Как называется ваш центр?

Мужчина назвал организацию, о которой Вера никогда не слышала.

Она открыла поисковую строку на компьютере и ввела название. Система ничего не нашла.

— У вас есть сайт? — спросила она.

— Сейчас он находится на техническом обслуживании.

Вера почувствовала, как внутри медленно поднимается раздражение.

— Тогда откуда у вас мой номер?

— Ваши рабочие контакты указаны в служебном справочнике.

— В справочнике нет моего личного номера.

Снова пауза.

На этот раз она была длиннее.

— Возможно, произошла ошибка при передаче данных, — произнёс мужчина. — Я хотел бы попросить вас пока не вносить никаких изменений в указанную запись.

— Почему?

— Она относится к архивному исследованию, которое ещё не завершено.

— В системе стоит ограничение доступа. История изменений отключена. Мне нужно понять, кто и когда изменил сведения о пациенте.

— В этом нет необходимости.

Вера медленно положила ручку на стол.

— Простите?

— Я имею в виду, что техническая проверка не требуется. Мы самостоятельно займёмся корректировкой.

— Но запись находится в архиве нашей больницы.

— Да, разумеется.

— И я отвечаю за её целостность.

— Вера Андреевна, — сказал мужчина, и в его голосе впервые появилось что-то похожее на усталость. — Я понимаю вашу профессиональную ответственность. Именно поэтому и звоню. Некоторые старые данные могут выглядеть противоречиво, если не учитывать особенности медицинских протоколов того времени.

— Какие особенности?

— Это сложный вопрос.

— Тогда объясните.

Он не ответил.

Вера услышала едва заметный щелчок, словно мужчина прикрыл микрофон рукой. На заднем плане кто-то произнёс несколько слов. Она не разобрала их, но успела уловить одно:

— ...Соколова?

Потом мужчина снова заговорил.

— Я прошу вас пока не открывать эту запись повторно. Мы свяжемся с вашим руководством и направим официальное письмо.

— Хорошо. Жду письмо.

— Благодарю за понимание.

— И ещё один вопрос.

— Да?

— Почему в карточке пациента указана дата смерти, которая предшествует дате выписки на девять лет?

Молчание стало таким долгим, что Вера проверила, не прервался ли звонок.

— Вера Андреевна, — наконец произнёс мужчина, — вы уверены, что правильно прочитали документы?

— Абсолютно.

— Тогда, возможно, вам стоит оставить этот вопрос специалистам.

Связь оборвалась.

Вера посмотрела на телефон.

Она не была человеком, который искал тайны там, где имелись обычные объяснения. За восемь лет работы она научилась не делать выводов раньше времени. Любая странность могла оказаться следствием небрежности, сбоя системы, человеческой ошибки или чьего-то желания поскорее закончить отчёт.

Но существовала одна деталь, которую нельзя было объяснить ни одной из этих причин.

Мужчина позвонил ей до того, как она сообщила о записи кому-либо, кроме технического отдела.

И он знал, что она её открывала.

Вера посмотрела на экран компьютера.

Карточка пациента была закрыта.

Она не собиралась открывать её снова.

Не собиралась.

Телефон завибрировал, и Вера вздрогнула.

На экране появилось сообщение от Артёма.

Артём: Я сегодня поздно. Не жди с ужином.

Вера долго смотрела на эти пять слов.

Потом ответила:

Вера: Хорошо.

Она отложила телефон, открыла рабочую почту и обнаружила новое письмо от технического отдела.

Тема: Обращение № 4187. Проверка архивной записи.

Внутри было всего две строки:

Указанная вами карточка не обнаружена в действующей системе медицинского архива.

Просим уточнить номер записи и повторить запрос.

Вера медленно перечитала письмо.

Потом открыла историю обращений и проверила номер.
4187.

Она помнила его. Записала в блокнот. Поставила звёздочку.

Вера достала блокнот из ящика и нашла страницу.

Номер был на месте.

Рядом стояла её собственная запись:

Пациент умер в 2014 г. Выписка — 2023 г. История изменений отключена.

Она снова вошла в архив, ввела номер пациента и нажала поиск.

Четыре результата.

Три чужие записи.

Четвёртая строка больше не отображалась.

Вера попробовала поиск по фамилии.

Ничего.

По имени и дате рождения.

Ничего.

Она открыла историю обращений и ввела номер 4187.

Система ответила:

ЗАПРОС НЕ НАЙДЕН.

Вера отодвинулась от стола.

На несколько секунд ей показалось, что она просто устала. Что перепутала цифры, открыла не ту вкладку, неправильно запомнила последовательность действий. Такое случалось. Люди работали с огромными объёмами информации, а память любила заполнять пробелы собственными версиями событий.

Она закрыла глаза и досчитала до пяти.

Потом снова открыла блокнот.

Номер был прежним.

Она достала телефон и попыталась найти историю входящего звонка. Незнакомый номер сохранился, но при нажатии на него приложение выдало предупреждение: **НОМЕР НЕДОСТУПЕН ДЛЯ ОБРАТНОГО ВЫЗОВА.**

Вера медленно выдохнула.

За стеной кто-то рассмеялся. В коридоре хлопнула дверь. Лида говорила по телефону с мужем своей сестры, объясняя, какие продукты купить по дороге домой.

Всё вокруг оставалось совершенно обычным.

И именно это было хуже всего.

Если бы погас свет, если бы завывала сирена, если бы кто-нибудь ворвался в кабинет и потребовал отдать документы, Вера хотя бы понимала, что происходит нечто из ряда вон выходящее.

Но мир продолжал жить, не замечая, что в нём только что исчезла одна маленькая запись.

Вера открыла рабочий журнал и внесла туда номер пациента, дату и описание ошибки. Она не знала, зачем делает это, если система могла удалить и сам журнал. Возможно, ей просто хотелось оставить хоть какой-то след, который не зависел бы от чужих серверов.

Закончив, она распечатала страницу.

Принтер долго шумел, втягивал бумагу, останавливался, снова начинал печатать. Наконец на лоток легла обычная белая страница с чёрными буквами.

Вера взяла её в руки.

Номер пациента. Дата смерти. Дата выписки.

Три строчки, которые ничего не доказывали.

Она сложила лист пополам и убрала в блокнот.

В 17:36 Вера выключила компьютер.

В 17:42 попрощалась с Лидой.

В 17:51 вышла из больницы.

К этому времени дождь прекратился, но улицы оставались мокрыми. В лужах отражались рекламные экраны, фары автомобилей и светящиеся окна аптек. У входа в диагностический центр стояла женщина с бумажным пакетом лекарств. Она пыталась застегнуть ребёнку куртку, одновременно разговаривая по телефону.

Вера прошла мимо.

На остановке было холодно. Она спрятала подбородок в воротник и достала телефон.

Мать прислала сообщение.

Мама: Ты сегодня позвонишь?

Вера посмотрела на часы.

Вторник.

Они обычно разговаривали по воскресеньям, но в последнее время мать стала писать чаще. То спрашивала, не заболела ли Вера, то интересовалась, как дела у Мишки, то присылала фотографии цветов, которые выращивала на балконе.

Вера знала, что мать скучает.

Но звонки всё чаще превращались в короткие разговоры, в которых обе осторожно обходили темы, способные причинить боль. Они обсуждали погоду, продукты, соседей, цены, здоровье. Никогда — отца.

После его смерти между ними возникла странная пустота. Не ссора, не обида, не отчуждение в привычном смысле. Просто пространство, в которое ни одна из них не решалась войти первой.

Вера набрала:

Вера: Позвоню вечером.

Потом убрала телефон.

Автобус подошёл через четыре минуты.

Она села у окна, положила сумку на колени и впервые за весь день позволила себе подумать о том, что произошло.

Не о странной записи.

Не о мужчине, который звонил.

О дате.

2014 год.

Отец умер в 2036-м. Это было пять лет назад.

Но в тот момент, когда она увидела дату смерти в карточке пациента, ей почему-то вспомнилось свидетельство о смерти отца. Тот же сухой язык. Та же формулировка, которую она когда-то переписала в блокнот, потому что боялась забыть хоть одну деталь.

Редкое осложнение.

Неблагоприятный прогноз.

Отсутствие эффективной терапии.

Она помнила, как врач произнёс последнюю фразу, глядя не на неё, а на экран компьютера.

Мы сделали всё возможное.

Тогда Вера поверила ему.

Она до сих пор хотела верить.

Автобус свернул на широкую улицу, и город за окном поплыл в отражениях. Вера смотрела на прохожих, на людей, которые возвращались домой с пакетами продуктов, на мужчину, несущего на плече спящего ребёнка, на девушку, которая бежала под дождём, прикрывая голову журналом.

Обычная жизнь.

Она всегда казалась ей хрупкой, но понятной. Люди болели, лечились, выздоравливали или умирали. Врачи ошибались. Государственные учреждения теряли документы. Кто-то получал помощь вовремя, а кто-то опаздывал на приём, не мог купить лекарство или слишком долго убеждал себя, что боль пройдёт сама.

Это было несправедливо.

Но несправедливость и обман — не одно и то же.

Вера не знала, почему эта мысль пришла ей в голову.

Она только чувствовала, что где-то в привычной картине мира появилась трещина. Совсем тонкая, почти незаметная. Её можно было принять за царапину на стекле, за отражение фонаря, за усталость после длинного рабочего дня.

Но Вера уже увидела её.

И теперь не могла перестать смотреть.

Дома она первым делом сняла мокрые ботинки и поставила их у батареи. Потом переоделась, собрала волосы в небрежный пучок и включила свет на кухне.

Артём не вернулся.

На столе лежала вчерашняя квитанция за электричество. В раковине стояла чашка, которую Вера оставила утром. На холодильнике всё так же висел список расходов, и маленькая строка внизу — перестать заказывать еду — теперь казалась ей особенно смешной.

Она достала из морозилки курицу, поставила сковороду на плиту и включила воду.

Телефон лежал рядом.

Вера позвонила матери.

— Алло? — ответила та почти сразу.

— Привет.

— Привет, доченька. Ты только пришла?

— Да. А ты чего не спишь?

— Я сериал смотрела. Тут новый вышел, про врачей. Слушай, такая глупость, ты бы видела. У них там человек с воспалением лёгких ходит по больнице, а все вокруг делают вид, что ничего не происходит.

Вера невольно улыбнулась.

— Может, он главный герой.

— Ну и что? Главный герой тоже должен лечиться. Я не понимаю, почему в кино никто нормально не лечится.

— Потому что тогда сериал закончится на второй серии.

Мать засмеялась.

Вера слушала её смех и вдруг почувствовала, как сильно соскучилась. Не по разговорам о важных вещах, не по откровенности, не по той близости, которая когда-то существовала между ними. Просто по голосу. По знакомой интонации. По возможности быть дочерью, а не взрослым человеком, который постоянно должен что-то решать.

— Мам, — сказала она.

— Что?

Вера помолчала.

Ей хотелось спросить, что именно произошло в последние дни жизни отца. Почему мать так быстро согласилась на похороны. Почему настояла, чтобы документы оформляли через определённого врача. Почему однажды, когда Вера попросила показать старые медицинские выписки, ответила, что потеряла их.

Она хотела спросить, помнит ли мать название лекарства, которое отец принимал в последние недели. И почему в его медицинской карте не оказалось результатов одного из последних обследований.

Но всё это было слишком большим для обычного вторничного вечера.

— Ты помнишь, где лежат папины документы? — спросила Вера наконец.

На другом конце провода стало тихо.

Не так, как бывает, когда человек отвлекается или не расслышал вопрос. Это была тишина, в которой кто-то успел понять, что разговор пошёл не туда.

— Какие документы? — спросила мать.

— Медицинские. Выписки, анализы. То, что осталось после больницы.

— Зачем тебе?

— Просто вспомнила. На работе сегодня попалась одна странная история болезни.

— И ты сразу вспомнила отца?

— Наверное.

Мать вздохнула.

— Верочка, прошло пять лет.

— Я знаю.

— Тебе не кажется, что пора перестать себя мучить?

Вера выключила воду.

— Я себя не мучаю.

— Каждый раз, когда ты начинаешь говорить о нём, тебе становится плохо. Ты потом несколько дней ходишь сама не своя. Он умер, доченька. Это ужасно, но так бывает. Люди умирают.

Вера сжала край столешницы.

— Я не спрашивала, почему люди умирают. Я спросила, где документы.

— Я не знаю.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Вера закрыла глаза.

— Мам.

— Что?

— Ты знаешь?

Мать долго молчала.

Потом сказала:

— У меня их нет.

— Ты их выбросила?

— Нет.

— Тогда где они?

— Вера, пожалуйста. Не сегодня.

Вера посмотрела на сковороду. Масло начинало дымиться.

— Ладно, — сказала она.

— Ты не обижайся на меня. Я просто не хочу снова всё это переживать.

— Я не обижаюсь.

Это была неправда.

Но иногда ложь казалась единственным способом закончить разговор, не разрушив то небольшое, что ещё оставалось между людьми.

Они попрощались.

Вера положила телефон на стол, выключила плиту и некоторое время стояла неподвижно. Потом достала из сумки блокнот, раскрыла страницу с записью и посмотрела на номер пациента.

Она не собиралась больше заниматься этим сегодня.

Не собиралась искать объяснения, звонить в архив, проверять документы или думать о том, почему незнакомый мужчина знал её личный номер.

Она просто хотела поужинать, принять душ и лечь спать.

Обычный вечер.

Обычная жизнь.

Вера открыла кухонный шкаф, достала тарелку и услышала, как в прихожей щёлкнул замок.

Артём вошёл, стряхнул с куртки капли дождя и бросил ключи на полку.

— Привет, — сказал он. — Ты чего такая?

— Какая?

— Не знаю. Будто случилось что-то.

Вера посмотрела на него.

Ей вдруг захотелось рассказать всё. Про запись, которая исчезла. Про звонок. Про мужчину, который попросил её не открывать карточку. Про мать, которая не смогла ответить на простой вопрос.

Она хотела, чтобы Артём посмотрел на неё и сказал, что это действительно странно. Что она не придумывает. Что завтра они вместе разберутся, что произошло.

Но он устало снял куртку и прошёл на кухню.

— Есть что-нибудь поесть? Я весь день на ногах.

Вера посмотрела на сковороду.

— Сейчас приготовлю.

— Спасибо.

Он поцеловал её в висок, достал телефон и сел за стол.

Разговор закончился, так и не начавшись.

Вера включила плиту.

За окном зажглись фонари. В соседнем доме кто-то громко включил музыку. На экране телевизора диктор рассказывал о новых достижениях медицины, о продлении активного долголетия и о том, что человечество стоит на пороге величайшего прорыва в истории здравоохранения.

А в блокноте на кухонном столе лежал номер медицинской карты, которой больше не существовало.

Вера ещё не знала, что в эту ночь ей впервые за пять лет приснится отец.

Во сне он сидел на краю больничной кровати, совершенно здоровый, в своей старой клетчатой рубашке. Он выглядел так, каким Вера помнила его до болезни: немного усталым, с седыми волосами на висках и привычкой постукивать пальцами по колену, когда он о чём-то думал.

Она стояла в дверях и не могла пошевелиться.

— Папа?

Он поднял голову.

— Верочка, — сказал он. — Ты всё-такишла.

— Что?

Он посмотрел на неё с такой печалью, что у неё перехватило дыхание.

— Запись.

Вера хотела подойти к нему, но между ними вдруг выросла длинная больничная стена. Белая, гладкая, без дверей и окон.

Она ударила по ней ладонью.

— Папа!

За стеной слышались шаги.

Потом голос отца, тихий и отчётливый:

— Не верь свидетельству о смерти.

Вера проснулась в 4:17 утра.

В комнате было темно. Артём спал, отвернувшись к стене. На улице шёл дождь.

Несколько секунд она не понимала, где находится. Потом медленно села, прижала ладони к лицу и попыталась успокоить дыхание.

Это был всего лишь сон.

Сны ничего не доказывают. Память умеет соединять случайные образы, страхи и события прошедшего дня. Вера знала это лучше многих.

Она встала, прошла на кухню и включила свет.

Блокнот лежал там, где она его оставила.

Вера открыла страницу с записью.

Номер пациента.

Дата смерти.

Дата выписки.

Она долго смотрела на три строчки, а потом перевернула страницу и написала ещё одну:

Проверить свидетельство о смерти отца.

Подумав, добавила:

Найти оригинал медицинской карты.

И только после этого заметила, что рука у неё дрожит.

Она закрыла блокнот, выключила свет и вернулась в спальню.

До будильника оставалось два часа двадцать минут.

Обыкновенный вторник закончился.

Но Вера ещё не знала, что следующий день уже не будет обыкновенным.

Глава 2. Ошибка в архиве

Утром Вера проснулась за минуту до будильника.

Это было неприятнее, чем проспать. Проснуться самостоятельно означало, что организм больше не доверяет ночи и заранее готовится к очередному дню. Она лежала на спине, глядя в потолок, и пыталась вспомнить, когда в последний раз просыпалась с ощущением, что ей никуда не нужно.

Кажется, в отпуске.

Три года назад.

Тогда они с Артёмом ездили на озеро за городом, снимали маленький домик с покосившимся крыльцом и целыми днями ничего не делали. Вера читала книгу, пока Артём ловил рыбу, а вечерами они сидели на ступеньках, пили чай из термоса и смотрели, как темнеет вода.

На третий день она вдруг обнаружила, что не помнит, какой сегодня день недели.

Это было почти счастьем.

Сейчас она помнила всё: день, число, рабочее расписание, сумму очередного платежа по кредиту и даже то, что в пятницу нужно купить корм для кота соседки, которого она обещала покормить, пока та будет в отъезде.

Вера закрыла глаза.

Перед внутренним взглядом возникла больничная кровать. Отец в клетчатой рубашке. Белая стена. Его голос.

Не верь свидетельству о смерти.

Она резко села.

— Господи, ну что за бред, — прошептала она.

Сон был всего лишь сном. Никакого послания, никакого предчувствия. Вчера она весь день думала о медицинской записи, вечером говорила с матерью, потом записала в блокнот, что нужно найти документы отца. Мозг просто собрал всё это в одну историю.

И всё же Вера не могла отделаться от ощущения, что сон оставил после себя нечто большее, чем обычную тревогу.

Она взяла телефон.

6:39.

За окном было темно. В комнате пахло остывшим воздухом и стиральным порошком. Артём спал, раскинув руку поверх одеяла. Вера осторожно встала, чтобы не разбудить его, и пошла в ванную.

Пока чистила зубы, она смотрела на своё отражение.

— Ты просто устала, — сказала она зеркалу.

Отражение не возразило.

Это немного успокаивало.

Артём проснулся, когда Вера уже одевалась.

— Ты рано, — пробормотал он.

— Как обычно.

— Нет, обычно ты ещё десять минут лежишь и ненавидишь мир.

— Сегодня ненавижу его заранее.

Он усмехнулся и потянулся к телефону.

Вера стояла перед шкафом, пытаясь решить, какое пальто надеть. Чёрное выглядело слишком мрачным, серое промокло вчера, а бежевое было красивым, но совершенно не подходило к её настроению.

— Артём.

— М-м?

— Ты помнишь, где мы хранили документы, когда папа умер?

Он убрал телефон от лица.

— Какие документы?

— Мои старые бумаги. Свидетельства, справки. Может, папины медицинские документы тоже где-то остались.

Артём некоторое время смотрел на неё.

— А зачем они тебе?

— Хочу проверить одну вещь.

— Какую?

Вера не сразу ответила.

Она могла рассказать ему о вчерашнем. Но почему-то ей не хотелось произносить всё вслух, пока у неё не было ничего, кроме исчезнувшей записи и странного звонка. Слова делали события реальными. А реальность, в которой кто-то мог удалять медицинские документы из системы, казалась слишком большой для обычного утра.

— На работе возник вопрос по архиву, — сказала она. — Я вспомнила про папу.

Артём зевнул.

— У мамы твоей спроси.

— Я спрашивала.

— Ну, значит, у неё.

— Она сказала, что документов нет.

— Может, выбросила.

— Она сказала, что не выбрасывала.

Он пожал плечами.

— Тогда не знаю, Вер. У нас свои документы лежат в шкафу в коридоре. Может, там что-то есть.

Вера кивнула.

— Посмотрю вечером.

— Только не загоняйся, ладно? — Он протянул руку и коснулся её запястья. — Ты после папиной смерти долго приходила в себя. Не надо снова всё это расковыривать.

Он произнёс это без раздражения. Скорее с заботой, хотя в его голосе звучала привычная просьба оставить прошлое в покое.

Вера посмотрела на его руку.

— Я не собираюсь загоняться.

— Хорошо.

Он поцеловал её в щёку и снова уткнулся в телефон.

Разговор был закончен.

Вера надела чёрное пальто.

В прихожей она задержалась перед зеркалом и вдруг заметила, что выглядит так же, как вчера. И позавчера. И, вероятно, будет выглядеть завтра. Та же причёска, те же серьги, та же сумка, в которой лежали кошелек, зарядка, две ручки и старый чек из продуктового магазина.

Ей стало грустно от этой мысли.

Не потому, что она хотела выглядеть иначе. А потому, что всё чаще ей казалось: она перестала замечать собственную жизнь, пока та происходила.

Вера закрыла дверь.

На этот раз пропуск лежал в кармане пальто.

В больнице её ждал конверт.

Он лежал на столе, рядом с клавиатурой, и выглядел совершенно обыкновенно: белая плотная бумага, без логотипа, без обратного адреса. На лицевой стороне аккуратными печатными буквами было написано:

СОКОЛОВОЙ ВЕРЕ АНДРЕЕВНЕ. ЛИЧНО.

Вера остановилась у двери.

— Это что? — спросила она.

Лида выглянула из-за монитора.

— Тебе принесли.

— Кто?

— Курьер.

— Какой курьер?

— Обычный. В куртке. Я спросила, откуда, он сказал, что из административного корпуса.

— И ты взяла?

— А что мне было делать? Отправить его обратно с конвертом? Там твоя фамилия.

Вера подошла к столу и взяла конверт.

Бумага была сухой и прохладной. На клапане не было ни печати, ни подписи. Она осторожно перевернула его, но с обратной стороны тоже ничего не обнаружила.

— Ты его открывала? — спросила Лида.

— Нет.

— Тогда открывай. А то я теперь тоже хочу знать, что там.

Вера положила сумку на стул, достала нож для бумаги и аккуратно вскрыла край конверта.

Внутри находились два листа.

Первый оказался обычным уведомлением из отдела кадров. Ей сообщали, что в связи с плановой проверкой электронного архива сотрудники отдела должны пройти дополнительный инструктаж по работе с ограниченными медицинскими данными.

Вера перечитала текст.

— Ну и? — спросила Лида.

— Ничего.

Она положила первый лист на стол и достала второй.

Это была распечатка электронной переписки. В верхней части стояли дата и время — вчерашние, 16:08. Ниже значилось имя отправителя: Павел Сергеевич К.

Текст занимал всего несколько строк.

Прошу приостановить любые действия с архивной карточкой пациента до завершения внутренней проверки.

Особое внимание обратить на соблюдение регламента доступа.

Сведения о содержании карточки не подлежат обсуждению с сотрудниками, не участвующими в исследовании.

Внизу стояла подпись:

Координатор исследовательских программ.

Вера медленно опустила лист.

— Ты говорила, что конверт принесли сегодня утром?

— Да. Минут двадцать назад.

— А кто-нибудь ещё его видел?

Лида покачала головой.

— Только я. Курьер положил на стол и ушёл.

Вера посмотрела на часы.

8:12.

Она достала телефон, нашла вчерашний входящий звонок и снова попыталась открыть карточку контакта.

Номер по-прежнему не определялся.

— Лид, ты помнишь, как он выглядел? Курьер.

— Да обычный мужчина. Среднего роста, в тёмной куртке. Лет сорок, наверное. А что?

— Он назвал фамилию?

— Нет.

— Расписался где-нибудь?

— Вера, это не доставка холодильника. Он принёс конверт и ушёл.

Лида говорила уже с лёгким раздражением.

Вера понимала её. В последнее время она задавала слишком много вопросов, на которые никто не мог дать нормальных ответов. Но дело было не в курьере.

Вчера в 15:00 ей позвонил неизвестный мужчина и попросил не открывать карточку пациента.

В 15:04 запись исчезла.

А теперь, меньше чем через сутки, кто-то прислал ей распечатку переписки, которая будто бы подтверждала, что существовала некая внутренняя проверка.

Только вот она не видела ни оригинала письма, ни его адресата, ни названия организации.

Одна бумага могла быть случайностью.

Две — уже поводом задуматься.

— Я схожу к Ирине Павловне, — сказала Вера.

— Зачем?

— Покажу ей это.

— А если она спросит, откуда оно?

Вера посмотрела на лист.

— Тогда скажу правду.

Ирина Павловна выслушала её стоя.

Кабинет начальницы находился в административном корпусе, на втором этаже, рядом с отделом кадров. На стене висели благодарственные письма, на подоконнике стояли три одинаковых горшка с искусственными растениями, а на столе лежала стопка документов, которую Ирина Павловна переставляла с места на место всякий раз, когда ей требовалось подумать.

Она была женщиной лет сорока пяти, с короткой стрижкой и привычкой говорить так, словно каждое слово уже было согласовано на совещании.

— Покажите, — сказала она.

Вера протянула распечатку.

Ирина Павловна прочитала её дважды. Потом сняла очки, сложила их и положила рядом с клавиатурой.

— Кто вам это передал?

— Не знаю. Конверт принесли утром.

— Вы уверены, что это не было вложено в какую-нибудь служебную корреспонденцию?

— В конверте лежало только два листа. Первый — уведомление об инструктаже. Второй — эта переписка.

— Вы открывали архивную карточку вчера?

— Да.

— После этого?

— Нет. Когда я попыталась открыть её повторно, запись уже отсутствовала.

Ирина Павловна подняла глаза.

— Вы обращались в технический отдел?

— Да. Мне ответили, что карточка не обнаружена.

— А номер обращения?

Вера назвала его.

Начальница сразу повернулась к компьютеру и открыла служебную систему.

— Странно, — произнесла она через минуту.

— Что?

— Обращения с таким номером нет.

Вера почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Я вчера его отправляла.

— Я не сомневаюсь. Но в системе его нет.

— У меня есть запись в блокноте.

— Это хорошо. Оставьте номер мне.

Ирина Павловна открыла другую вкладку и что-то напечатала.

— Вы знаете, что за исследовательский центр указан в переписке? — спросила Вера.

— Нет.

— Вы когда-нибудь с ним работали?

— Нет.

— Тогда почему они присылают документы в наш отдел?

Начальница закрыла вкладку.

— Вера Андреевна, я не знаю, что это за письмо. Возможно, оно связано с какой-то внешней проверкой. Возможно, кто-то перепутал адресата. Я направлю запрос в администрацию.

— А запись пациента?

— Если она действительно существовала, технический отдел восстановит её из резервной копии.

— А если не восстановит?

Ирина Павловна посмотрела на неё внимательно.

— Тогда мы будем разбираться дальше.

Вера не двигалась.

— Я хочу получить официальный ответ.

— Вы его получите.

— И я хочу знать, кто имел доступ к этой карточке.

— Вера Андреевна.

В голосе начальницы появилось предупреждение.

— Я понимаю, что вы обеспокоены. Но вы не можете проводить собственное расследование в рамках должностных обязанностей. Если есть ошибка, мы исправим её установленным порядком. Если есть нарушение, передадим информацию руководству. Не нужно самостоятельно связываться с неизвестными организациями или пытаться получить доступ к закрытым данным.

— Я не пыталась получить доступ к закрытым данным. Система сама показала мне карточку.

— Я поняла.

— Тогда почему...

— Потому что я отвечаю за работу этого отдела, — перебила Ирина Павловна. — И потому что мне не хочется, чтобы из-за одной ошибки у нас возникли проблемы с проверяющими органами.

Она произнесла последнюю фразу без злости. Просто как факт.

Вера вдруг поняла, что начальница боится.

Не так, как боялась бы человек, которому угрожают. Скорее так, как боится сотрудник, который всю жизнь старался работать правильно и теперь обнаружил, что правила могут измениться без его ведома.

— Хорошо, — сказала Вера.

Она забрала распечатку, но Ирина Павловна остановила её жестом.

— Оставьте копию.

Вера положила лист на стол.

— И ещё, — добавила начальница. — Не обсуждайте это с коллегами.

Вера едва заметно усмехнулась.

— Конечно.

Она вышла из кабинета и только в коридоре позволила себе выдохнуть.

За окном административного корпуса шёл мокрый снег.

До обеда Вера старалась заниматься обычной работой.

Она проверяла даты, исправляла опечатки, сверяла номера страховых полисов. Время от времени ей казалось, что всё происходящее вчера было результатом усталости. Возможно, она действительно перепутала запись. Возможно, кто-то в техническом отделе удалил дубликат, а звонок и конверт не имели к этому никакого отношения.

Но каждый раз, когда она пыталась убедить себя в этом, вспоминала слова мужчины:

Я прошу вас пока не открывать эту запись повторно.

Он знал, что она её открыла.

Он знал, что она работает в архиве.

Он знал её личный номер.

И он назвал её по имени и отчеству.

Вера открыла служебный справочник и проверила список внешних организаций, имевших доступ к архивным данным.

Исследовательского центра в нём не было.

Она поискала название через внутреннюю поисковую систему больницы. Ничего.

Тогда открыла общий реестр юридических лиц и ввела название вручную.

Результат появился не сразу.

Организация существовала.

Центр исследований медицинского наследия.

Дата регистрации — 2011 год.

Юридический адрес — Москва.

Статус — действующее юридическое лицо.

Вера открыла карточку организации. В разделе деятельности значились научные исследования, обработка медицинских данных и консультирование в области здравоохранения.

Всё выглядело законно.

Но на сайте, указанном в реестре, отображалась пустая страница с надписью о техническом обслуживании.

Она проверила адрес через несколько открытых справочников. Везде было одно и то же: организация зарегистрирована, деятельность не прекращена, отчётность подаётся нерегулярно, публичных контактов почти нет.

Ничего криминального.

И ничего, что объясняло бы, почему её сотрудник интересуется старой историей болезни в городской больнице.

Вера сделала несколько заметок в блокноте.

Потом открыла раздел с архивными журналами за 2014 год.

Она не собиралась снова искать ту же карточку. По крайней мере, именно так она сказала себе, когда вводила дату в строку поиска.

Она хотела проверить другое: существовали ли в архиве вообще документы, которые могли относиться к тому пациенту.

Система выдала список из нескольких тысяч записей.

Вера задала фильтр по отделению, затем по месяцу госпитализации. Через несколько минут перед ней осталось двадцать три карточки.

Она открывала их одну за другой.

Обычные истории. Поступление, обследование, диагноз, назначение, выписка. В некоторых случаях — смерть. В других — перевод в другое учреждение. Несколько пациентов возвращались в больницу спустя годы.

Никаких необычных отметок.

Вера уже собиралась закрыть поиск, когда заметила строку, выделенную серым цветом. КАРТОЧКА № 14-08-7712.

Она открыла её.

Пациент поступил в августе 2014 года. Диагноз был указан сокращённо, без подробного описания. В графе лечения значился код экспериментального протокола, который Вера никогда прежде не встречала.

Она проверила дату выписки.

2023 год.

Сердце у неё стукнуло сильнее.

Это могла быть та самая запись.

Вера открыла раздел с документами. В нём находилось всего два файла: краткая выписка и уведомление о передаче данных в другой медицинский центр.

Она нажала на первый.

Файл загрузился.

Вверху стояла фамилия пациента, но часть букв была закрыта чёрными прямоугольниками. Имя тоже было скрыто. Дата рождения отсутствовала.

Ниже шёл текст:

Пациент проходил лечение в рамках закрытого исследовательского протокола. После завершения курса наблюдения отмечена положительная динамика. Рекомендовано продолжить контроль состояния здоровья по месту жительства.

Внизу документа стояла подпись врача.

Е. Левина.

Вера несколько секунд не двигалась.

Она не знала этого врача. По крайней мере, не помнила, чтобы когда-либо встречала её фамилию в больничных документах. Но что-то в подписи показалось знакомым.

Она увеличила изображение.

Под фамилией стояла дата.

17 октября 2023 года.

И ещё одна строка, которую Вера сначала приняла за номер документа.

ЭДЕМ — 04/17.

Она перечитала её.

Потом открыла второй файл.

Система запросила подтверждение доступа.

Вера нажала «Продолжить».

Экран на секунду потемнел.

Затем появилась надпись:

ДОКУМЕНТ УДАЛЁН ИЗ АРХИВА.

Вера откинулась на спинку кресла.

Она слышала, как Лида разговаривает по телефону. Слышала, как за стеной двигают стул. Слышала, как в коридоре кто-то кашляет.

Мир не изменился.

Но теперь у неё было название.

Эдем.

Она открыла поисковую строку и ввела слово.

Система выдала сотни результатов: жилые комплексы, гостиницы, медицинские центры, косметические процедуры, стоматологические клиники, рекламные акции.

Ни одного результата, связанного с экспериментальным лечением.

Вера добавила год.

Эдем 2023.

Появились несколько старых публикаций о клинических исследованиях, но ни одна не имела отношения к найденной записи.

Она попробовала ввести код полностью.

ЭДЕМ — 04/17.

Поиск ничего не дал.

Тогда Вера открыла внутренний архив научных публикаций больницы и ввела фамилию врача.

Елена Левина.

Результатов не было.

Она повторила запрос, изменив порядок слов. Затем попробовала искать по инициалам.

Пусто.

Вера откинулась на спинку кресла и посмотрела в потолок.

Впервые за два дня она почувствовала настоящий страх.

Не потому, что обнаружила нечто невероятное. А потому, что все найденные сведения были достаточно обычными, чтобы их можно было объяснить по отдельности.

Ошибка в дате.

Старый исследовательский протокол.

Неизвестный врач.

Закрытый архив.

Удалённый документ.

Но вместе они образовывали нечто, что уже нельзя было назвать случайностью.

Вера открыла блокнот и записала:

14-08-7712.

ЭДЕМ — 04/17.

Елена Левина.

Потом подчеркнула каждую строку.

И в этот момент на экране появилось уведомление.

СЕАНС ЗАВЕРШЁН.

Она нахмурилась и попыталась войти снова.

Система сообщила, что её учётная запись временно заблокирована в связи с проверкой прав доступа.

Вера медленно убрала руки с клавиатуры.

Она не успела даже закрыть архив.

После обеда её вызвали в отдел кадров.

Там сидела незнакомая женщина в тёмно-синем костюме. На столе перед ней лежала тонкая папка, рядом стоял стакан воды. Она представилась сотрудницей службы внутреннего контроля, но не назвала подразделение.

— Вера Андреевна, — сказала она, — мы хотели бы уточнить несколько моментов, связанных с вашим доступом к архивным данным.

Вера села напротив.

— Хорошо.

— Вчера вы просматривали карточку пациента, которая в настоящее время отсутствует в действующей системе?

— Да.

— Как вы получили доступ к этой карточке?

— Она появилась в результатах поиска.

— Вы вводили специальный код?

— Нет.

— Использовали чужую учётную запись?

— Нет.

Женщина сделала отметку в папке.

— Вы сохраняли или копировали сведения из этой карточки?

Вера подумала о распечатке, которую убрала в блокнот.

— Я сделала снимок экрана для обращения в технический отдел.

— Где находится этот снимок?

— На рабочем компьютере.

— Вы уверены?

— Да.

Женщина посмотрела на неё.

— Мы проверили ваш компьютер. Файл не обнаружен.

Вера почувствовала, как у неё холодеет спина.

— Я его делала.

— Возможно, вы ошиблись.

— Я не ошиблась.

— Вера Андреевна, — женщина говорила мягко, почти сочувственно, — мы не обвиняем вас в нарушении. Иногда сотрудники путают последовательность действий, особенно при работе с большим объёмом данных.

Вера посмотрела на папку.

— Как называется ваша служба?

— Отдел внутреннего контроля.

— Какой именно?

— Внутреннего контроля медицинской документации.

— Я никогда не слышала о таком отделе.

Женщина сложила руки на столе.

— Мы работаем в рамках межведомственного соглашения.

— С кем?

— Это не относится к вашему вопросу.

Вера почувствовала, что начинает злиться.

— Тогда к какому вопросу это относится?

Женщина впервые улыбнулась. Улыбка была профессиональной и совершенно пустой.

— Мы хотим убедиться, что вы не нарушали правила доступа к медицинской информации.

— Я не нарушала.

— Хорошо. Тогда, вероятно, у нас не возникнет никаких проблем.

Она открыла папку и достала лист.

— Подпишите, пожалуйста, что ознакомлены с требованиями конфиденциальности и обязуетесь не распространять сведения, полученные в ходе работы с архивными данными.

Вера прочитала документ.

Формулировки были стандартными. Она подписывала похожие бумаги при приёме на работу и после каждого обновления внутренних регламентов.

Но внизу страницы мелким шрифтом стояла дополнительная строка:

Сотрудник подтверждает отсутствие личной заинтересованности в материалах закрытых исследовательских программ.

Вера подняла голову.

— Что это значит?

— Стандартная формулировка.

— Каких программ?

— Исследовательских.

— Каких именно?

Женщина посмотрела на часы.

— Вера Андреевна, мы не обсуждаем содержание закрытых программ. Это не входит в наши полномочия.

— Тогда почему вы просите меня подтвердить отсутствие личной заинтересованности в них?

На этот раз женщина не ответила сразу.

Вера смотрела на неё и вдруг поняла, что перед ней не человек, который хочет выяснить, что произошло.

Перед ней человек, который хочет получить подпись.

Не объяснение.

Не признание.

Подпись.

— Я не буду подписывать документ, пока не получу разъяснения, — сказала Вера.

Женщина закрыла папку.

— Разумеется. Вы можете ознакомиться с ним позже.

Она встала, поправила пиджак и протянула Вере визитку.

На ней было написано только имя:

Мария Сергеевна.

Ни должности, ни телефона, ни названия организации.

— Если у вас появятся вопросы, обращайтесь, — сказала она.

— По какому номеру?

Мария Сергеевна посмотрела на визитку, словно впервые заметила, что на ней ничего нет.

— Вам передадут мои контакты.

Она вышла.

Вера осталась сидеть за столом.

Несколько минут она смотрела на пустую визитку, потом убрала её в сумку.

Ей хотелось уйти домой. Закрыть дверь, выключить телефон, лечь под одеяло и проснуться через неделю, когда всё это окажется обычной ошибкой, которую наконец исправили.

Но теперь она знала, что в архиве существовала запись, связанная с неизвестным исследовательским протоколом. Знала, что её просмотр исчез из системы. Знала, что кто-то пытался получить от неё подпись под документом, содержание которого не мог объяснить.

И знала, что её собственная фамилия, возможно, имела к этому отношение.

Потому что женщина из внутреннего контроля спросила её не только о карточке пациента.

Она спросила, есть ли у неё личная заинтересованность в закрытых исследовательских программах.

Вера никогда не слышала об этих программах до вчерашнего дня.

Но кто-то уже предполагал, что она может быть заинтересована.

Или знал, что она заинтересована.

Вечером Вера вернулась домой раньше обычного.

Артёма ещё не было. В квартире стояла тишина, нарушаемая только шумом холодильника и далёкими звуками машин за окном.

Она сняла пальто, прошла в спальню и открыла шкаф в коридоре.

На верхней полке лежали коробки с документами. Вера достала первую, поставила на пол и начала разбирать содержимое.

Свидетельства о рождении. Старые договоры аренды. Диплом. Медицинская страховка. Несколько фотографий, которые она не видела много лет.

На одной из них отец стоял на даче, придерживая рукой ветку яблони. Ему было сорок шесть, и он смеялся. Вера помнила тот день. Мишка тогда уронил ведро с яблоками, а отец сказал, что теперь у них будет яблочный урожай прямо на земле.

На другой фотографии они сидели за кухонным столом. Мать разливала чай, отец что-то рассказывал, а Вера смотрела на него с таким выражением, будто он был самым умным человеком на свете.

Она долго держала фотографию в руках.

Потом положила её рядом и продолжила искать.

Медицинских документов было мало.

Несколько старых справок, результаты анализов, направление на обследование. Папка с документами, выданными после смерти отца.

Вера открыла её.

Первым лежало свидетельство о смерти.

Она уже видела его сотни раз. Знала каждую строчку, каждую формулировку. Но теперь читала так, словно впервые держала документ в руках.

Фамилия. Имя. Отчество.

Дата рождения.

Дата смерти.

Причина смерти.

Она провела пальцем по последней строке.

Острое системное осложнение неуточнённой этиологии.

Вера помнила, как врач объяснял ей, что это означает. Организм перестал справляться с заболеванием, возникли множественные нарушения, состояние быстро ухудшилось. Причину определить не удалось.

Она перевернула документ.

На обратной стороне стояла печать.

Вера достала телефон и сфотографировала её. Потом приблизила изображение.

Печать была старой, немного смазанной. Название медицинского учреждения читалось плохо. Но под ним стоял номер регистрации.

Она открыла блокнот и записала его.

Затем достала из папки медицинскую выписку.

Это был короткий документ, выданный за несколько дней до смерти отца. В нём перечислялись результаты обследования и назначенное лечение. Внизу стояла подпись врача.

Вера знала эту фамилию.

Она видела её в других документах, но сейчас не могла вспомнить где.

Тогда она снова посмотрела на распечатку из архива, которую спрятала в блокнот.

Е. Левина.

Вера положила оба документа рядом.

Подписи были разными. Одна принадлежала лечащему врачу отца. Другая — неизвестной женщине, которая вела пациента по закрытому протоколу.

Но даты совпадали по одному странному признаку.

Обе записи относились к октябрю.

Только одна была сделана в 2036 году, а другая — в 2023-м.

Вера взяла телефон и открыла поисковую строку.

Она ввела фамилию врача, который лечил отца.

Результат появился сразу.

Врач работал в городской больнице № 14 до 2038 года, затем перешёл в частную клинику.

В открытом профиле были указаны образование, специализация и несколько публикаций.

Вера открыла список публикаций.

Одна из них называлась:

«Особенности диагностики системных осложнений при редких воспалительных заболеваниях».

Дата — 2035 год.

Она открыла статью.

Текст был сухим и профессиональным. Описывались несколько клинических случаев, методы обследования, результаты лабораторных анализов. Вера пролистала страницы до конца.

В списке литературы она увидела знакомое слово.

Эдем.

Не название лекарства, не название программы, а ссылка на исследовательский протокол, опубликованный в закрытом сборнике медицинских материалов.

Она открыла ссылку.

Страница не загрузилась.

Вера попробовала найти название сборника через общий поиск.

Результатов не было.

Она попробовала другой поисковик.

Пусто.

Потом ввела название протокола вместе с фамилией врача.

На экране появилось сообщение:

Некоторые результаты поиска недоступны в вашем регионе.

Вера посмотрела на него, не понимая, что именно это означает.

Она не была специалистом по информационной безопасности. Не знала, как устроены системы удаления данных и можно ли полностью стереть документ из открытых источников. Но понимала, что если публикация существовала, то где-то должны были остаться следы.

Архивные ссылки.

Цитирования.

Упоминания в других статьях.

Хотя бы название сборника.

Ничего.

Словно кто-то не просто удалил документ, а позаботился о том, чтобы никто не мог доказать, что он когда-либо существовал.

Вера медленно опустила телефон.

В квартире было тихо.

На кухне мигали часы микроволновки. За стеной плакал ребёнок. Внизу хлопнула подъездная дверь.

Обычный вечер.

Она посмотрела на фотографию отца.

Он улыбался, щурясь от солнца.

Вера вдруг вспомнила, что за несколько недель до смерти он попросил её привезти из дома старый ноутбук. Тогда она удивилась, потому что отец почти не пользовался компьютером. Он сказал, что хочет проверить кое-какие документы по работе.

Через два дня он попал в больницу.

Ноутбук остался у него дома.

После похорон Вера забрала его себе, однако через несколько месяцев отдала в ремонт, потому что устройство перестало включаться. Мастер сказал, что повреждён накопитель, и восстановить данные не удалось.

Она никогда не спрашивала, можно ли было попробовать ещё раз.

Почему-то ей казалось, что там не было ничего важного.

Теперь она уже не была в этом уверена.

Вера достала телефон и позвонила матери.

Та ответила после третьего гудка.

— Верочка?

— Мам, ты помнишь папин старый ноутбук?

Молчание.

— Какой ноутбук?

— Чёрный. Он ещё перед больницей просил меня привезти его домой.

— Да, наверное.

— Что на нём было?

— Не знаю, Вера. Он работал с документами.

— Какими документами?

Мать тяжело вздохнула.

— Доченька, я не помню.

— Ты помнишь, что с ним случилось после смерти папы?

— Ты отдала его в ремонт.

— Да. Мне сказали, что данные не восстановить.

— Ну вот.

— Мам, ты знала, что он что-то искал?

На этот раз пауза была совсем короткой.

— Нет.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Ты уверена?

— Вера, я не понимаю, чего ты от меня хочешь.

— Я хочу понять, что произошло.

— С твоим отцом произошло то, что происходит со всеми людьми. Он заболел и умер.

Мы ничего не могли сделать.

Мать говорила тихо, но в её голосе появилась жёсткость.

— Ты думаешь, я не пыталась его спасти? Ты думаешь, я не сидела ночами у его кровати?

Ты думаешь, мне легко было смотреть, как он уходит?

— Я этого не говорила.

— Но ты спрашиваешь так, будто я что-то скрываю.

Вера закрыла глаза.

Она не хотела ссориться. Не хотела заставлять мать вспоминать последние недели жизни отца. Не хотела превращать семейную боль в допрос.

Но она больше не могла делать вид, что ничего не замечает.

— Мам, — сказала она, — ты помнишь врача, который лечил папу? Ты помнишь Елену Левину?

Мать не ответила.

Вера посмотрела на экран телефона.

— Мам?

— Откуда ты знаешь это имя?

Голос матери изменился настолько резко, что Вера выпрямилась.

— Я увидела его в одном документе.

— В каком документе?

— На работе.

— Вера, — сказала мать очень тихо, — не трогай эти документы.

Вера перестала дышать.

— Что?

— Не трогай их. Не ищи ничего. Не звони никому.

— Мам, что ты знаешь?

— Я ничего не знаю.

— Тогда почему ты...

— Потому что я прошу тебя не делать того, о чём ты потом пожалеешь.

На другом конце провода послышался какой-то звук. Будто мать закрыла дверь.

— Мам, ты сейчас дома?

— Да.

— Кто-нибудь приходил?

— Нет.

Она ответила слишком быстро.

Вера встала и подошла к окну.

Во дворе стояли машины. У подъезда горел фонарь. На лавочке под козырьком сидел мужчина с телефоном в руках.

Ничего необычного.

— Мам, послушай меня. Я не собираюсь никому вредить. Я просто хочу понять, что случилось с папой.

— Иногда, чтобы сохранить то, что осталось, нужно перестать искать ответы.

Вера почувствовала, как у неё сдавило горло.

— Ты правда так думаешь?

— Да.

— Даже если ответы существуют?

Мать молчала.

Потом сказала:

— Особенно если существуют.

Связь оборвалась.

Вера осталась стоять у окна, держа телефон у уха.

Она не знала, сколько прошло времени. Возможно, минута. Возможно, пять.

Потом телефон завибрировал.

На экране появилось сообщение от неизвестного отправителя.

Не ищите оригинал карты Андрея Соколова.

Вера медленно опустила руку.

Она перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

Номер отправителя был скрыт.

Следом пришло второе сообщение.

Ваш отец тоже думал, что сможет разобраться.

Вера почувствовала, как холод поднимается от живота к груди.

Она посмотрела на дверь квартиры. Потом на окно. Потом снова на телефон.

В голове возникла нелепая мысль: нужно закрыть шторы.

Она никогда не закрывала шторы вечером, если в комнате горел свет. Ей нравилось видеть город. Но сейчас она подошла к окну и резко дёрнула ткань, так что карниз тихо скрипнул.

За стеклом по-прежнему горели фонари.

Мужчина на лавочке исчез.

Вера стояла, прижимая телефон к груди, и пыталась убедить себя, что это может быть чья-то глупая шутка. Что сообщение можно отправить случайно. Что её фамилия достаточно распространённая, а имя отца не является секретом.

Но отправитель знал, что она ищет оригинал медицинской карты.

Она никому не говорила об этом.

Никому, кроме матери.

Вера снова набрала её номер.

На этот раз телефон не ответил.

Она позвонила ещё раз.

И ещё.

На четвёртый звонок включилась голосовая почта.

Вера медленно опустилась на стул.

Перед ней лежали документы отца, фотография с дачи и блокнот, в котором она записывала сведения об исчезнувшей карточке.

Всё это ещё вчера казалось незначительными деталями.

Теперь каждая деталь будто смотрела на неё в ответ.

Она открыла блокнот и написала:

Не искать оригинал карты Андрея Соколова.

Потом перечеркнула строку.

Ниже написала:

Почему?

Она смотрела на это слово долго, пока буквы не начали расплываться.

Вера не была смелой женщиной. Она боялась темноты в незнакомых подъездах, не любила ездить ночью в такси с незнакомыми водителями и всегда проверяла, закрыта ли дверь. Она не мечтала о разоблачениях, не собиралась бороться с системой и никогда не считала себя человеком, способным изменить мир.

Она хотела только одного: жить спокойно.

Работать, платить по счетам, иногда путешествовать, купить собственную квартиру и однажды проснуться утром, не думая о том, сколько денег осталось на карте.

Но теперь кто-то пытался объяснить ей, что даже право задавать вопросы может быть опасным.

И впервые за долгое время Вера почувствовала не только страх.

Она почувствовала злость.

Тихую, холодную злость человека, которого слишком долго убеждали, что он не имеет права знать.

Она собрала документы отца, положила их в папку и убрала в сумку.

Затем достала из шкафа старый ноутбук, который давно собиралась выбросить, но почему-то всё откладывала. Это был не тот компьютер, который отец просил привезти в больницу, а её собственный, купленный ещё в университете.

Вера поставила его на стол, подключила зарядное устройство и нажала кнопку включения.

Экран мигнул.

Появился логотип производителя.

Потом загрузилась система.

Она открыла браузер, ввела название исследовательского протокола и снова увидела сообщение о недоступных результатах.

Тогда Вера сделала то, чего никогда прежде не делала.

Она открыла архивные копии старых сайтов, нашла сохранённые страницы медицинских журналов и начала искать упоминания по отдельным словам, датам и фамилиям.

Работа была медленной. Многие ссылки не открывались. Некоторые документы сохранились лишь частично. Несколько раз ноутбук зависал, и Вера боялась, что он выключится навсегда.

Но спустя почти час она нашла первую зацепку.

Старая библиографическая запись.

Без текста статьи, без аннотации, без имени издательства.

Только заголовок и фамилии авторов.

«Восстановление клеточных функций при системных заболеваниях: предварительные результаты закрытого клинического протокола».

Авторы: Елена Левина, Андрей Соколов, Павел К.

Дата публикации: 17 октября 2023 года.

Вера не сразу поняла, что именно видит.

Она перечитала фамилии.

Елена Левина.

Андрей Соколов.

Её отец.

Он был соавтором научной статьи, о существовании которой она никогда не знала.

Но это было не самое страшное.

Под названием статьи стояла короткая пометка:

Статус публикации: отозвана по требованию комиссии.

Вера открыла карточку автора.

Профиль Андрея Соколова содержал всего три записи. Две относились к обычным публикациям по медицинской статистике. Третья была закрыта.

В графе «Причина ограничения доступа» значилось:

Сведения засекречены на основании решения межведомственной комиссии от 12.11.2023.

Вера посмотрела на дату.

Тринадцать лет назад.

За тринадцать лет до того, как её отец заболел и умер.

Она сидела перед экраном, не двигаясь, и чувствовала, как внутри медленно рушится что-то, чему она доверяла всю жизнь.

Отец не просто работал с медицинскими документами.

Он участвовал в исследовании, которое затем засекретили.

Он знал Елену Левину.

И, возможно, именно поэтому в последние недели жизни просил привезти ему старый ноутбук.

Вера открыла блокнот и записала название статьи, фамилии авторов и номер решения комиссии.

Затем сохранила страницу в отдельную папку.

Она ещё не знала, что именно исследовали её отец и Елена Левина.

Не знала, почему публикацию отозвали.

Не знала, что такое «Эдем» и почему этот термин исчезает из медицинских архивов.

Но теперь у неё был документ, который не зависел от больничной системы.

Старый, неполный, почти бесполезный документ.

И всё же настоящий.

Вера посмотрела на часы.

23:48.

За окном город постепенно затихал. В соседних квартирах гас свет. На улице проехала последняя маршрутка, оставив после себя влажный шорох шин.

Она выключила ноутбук, убрала документы в сумку и впервые за два дня почувствовала, что у неё есть хотя бы один ответ.

Отец знал больше, чем рассказывал семье.

И кто-то очень не хотел, чтобы Вера узнала, что именно.

В это же время, в нескольких сотнях километров от Нижнего города, в кабинете без окон сидел мужчина и смотрел на экран.

На экране отображалась фотография Веры Соколовой — сделанная несколько лет назад, вероятно, для какого-то официального документа. Она смотрела прямо в камеру, без улыбки, с чуть нахмуренными бровями.

Мужчина открыл её профиль.

Дата рождения.

Место работы.

Адрес.

Сведения о родственниках.

Ниже стояла короткая строка:

Отец: Андрей Викторович Соколов. Статус: умер.

Мужчина провёл пальцем по краю стола.

— Она нашла статью, — сказал он.

В кабинете было ещё двое.

Один стоял у стены, другой сидел напротив, перелистывая бумажные документы.

— Какую именно? — спросил сидевший.

— Публикацию 2023 года.

— Там почти ничего нет.

— Для начала достаточно.

— Она знает о «Эдеме»?

Мужчина посмотрел на экран.

— Пока нет.

— Тогда почему мы не закрыли ей доступ раньше?

— Потому что она не должна была найти карточку.

— Но нашла.

— Да.

Сидевший отложил бумаги.

— Что будем делать?

Мужчина некоторое время молчал.

Потом открыл другую папку, в которой хранились сведения о семье Соколовых. В ней было всего несколько документов, но один из них он перечитал особенно внимательно.

Соколова, Вера Андреевна. Потенциальный носитель архивной информации. Уровень риска: неопределённый.

Мужчина закрыл папку.

— Пока ничего, — сказал он. — Никаких контактов. Никаких предупреждений. Мы уже допустили одну ошибку.

— А если она продолжит искать?

Он посмотрел на фотографию.

— Тогда нам придётся выяснить, что именно Андрей успел ей оставить.

На экране мигнуло новое уведомление.

Обнаружена сохранённая копия документа.

Мужчина прочитал сообщение и впервые за вечер нахмурился.

— Она сохранила страницу.

— Можно удалить?

— Нет. Копия находится на локальном устройстве.

— Тогда устройство...

— Нет, — перебил мужчина. — Пока не трогать.

Он снова посмотрел на фотографию Веры.

— Мы не знаем, что она помнит. И не знаем, что ей рассказала мать.

Сидевший мужчина медленно поднялся.

— Вы думаете, мать тоже участвовала?

— Я думаю, что мы слишком долго считали эту семью незначительной.

Он выключил экран.

В кабинете стало темно.

За дверью послышались шаги, потом щёлкнул замок.

Мужчина остался один.

Некоторое время он сидел неподвижно, прислушиваясь к шуму вентиляции. Затем достал из внутреннего кармана старый бумажный конверт.

На нём было написано одно слово:

ЭДЕМ.

Он открыл конверт и вынул фотографию, сделанную много лет назад.

На ней стояли трое: молодой Андрей Соколов, женщина с короткими седыми волосами и сам мужчина, который теперь сидел в тёмном кабинете.

Все трое улыбались.

На обороте фотографии стояла дата:

17 октября 2023 года.

И подпись, сделанная рукой Андрея:

В тот день мы ещё думали, что спасём всех.

Мужчина долго смотрел на эти слова.

Потом сложил фотографию пополам, убрал обратно в конверт и спрятал его в сейф.

Он знал, что Вера уже начала задавать вопросы.

И знал, что однажды ей придётся услышать ответ.

Проблема заключалась в том, что правда об «Эдеме» могла уничтожить не только тех, кто её скрывал.

Она могла уничтожить и тех, ради кого всё когда-то начиналось.

Глава 3. Диагноз, которого не существует

Вера всегда считала, что у каждого человека есть своя цена.

Не обязательно денежная. Иногда человек соглашался промолчать ради спокойствия семьи, иногда — ради карьеры, иногда — потому, что боялся потерять единственное, что у него осталось. Были люди, готовые на многое за большие деньги, и люди, которые не предали бы даже за целое состояние. Но Вера не верила, что существуют те, кто вообще ни на что не согласится.

Просто у каждого имелась черта, за которую он не хотел заходить.

Она сама никогда не проверяла, где проходит её черта.

До сих пор.

В половине седьмого утра Вера сидела на кухне перед раскрытым ноутбуком, пила остывший чай и читала одну и ту же строку уже, наверное, в двадцатый раз.

В тот день мы ещё думали, что спасём всех.

Эту фразу она написала в блокнот ночью, когда обнаружила старую библиографическую запись. Но фотографию, на обороте которой стояли эти слова, она не видела. Её не существовало ни в одном из найденных документов. Она не знала, где находился тот кабинет без окон, кто были люди на фотографии и почему неизвестный мужчина хранил снимок тринадцатилетней давности в сейфе.

О последнем Вера, разумеется, тоже не знала.

Она не знала даже о существовании этого мужчины.

Зато знала другое: отец был соавтором засекреченной научной публикации. В исследовании участвовала Елена Левина. А теперь кто-то пытался убедить Веру, что лучше оставить прошлое в покое.

Она закрывала ноутбук.

За окном просыпался город. На крыше соседнего дома рабочие устанавливали солнечные панели, внизу дворник сгребал мокрые листья в большую чёрную кучу. На детской площадке женщина в длинном пуховике помогала девочке застегнуть куртку. Девочка что-то говорила, жестикулируя так энергично, словно объясняла важнейшее открытие в истории человечества.

Вера поймала себя на том, что завидует ей.

Не беззаботности. Не детству.

Возможности говорить о том, что думаешь, не проверяя предварительно, кто может услышать.

Она посмотрела на часы.

6:38.

Через две минуты зазвонит будильник.

Вера встала, подошла к раковине и вылила чай.

Сегодня она собиралась сделать две вещи.

Во-первых, найти человека, который мог объяснить, что означает код «Эдем — 04/17».

Во-вторых, выяснить, почему в истории болезни её отца не оказалось результатов последних обследований.

Она пока не знала, что эти два вопроса приведут её к одному и тому же человеку.

На работу Вера приехала раньше обычного.

Она купила кофе в маленькой кофейне возле больницы, поднялась на второй этаж и обнаружила, что дверь архива закрыта. Лида ещё не пришла. В коридоре горели только дежурные лампы, а из соседнего кабинета доносился тихий голос радио.

Вера приложила пропуск к считывателю.

Красный сигнал.

Она повторила попытку.

Снова красный.

На экране появилось сообщение:

ДОСТУП ВРЕМЕННО ОГРАНИЧЕН. ОБРАТИТЕСЬ К АДМИНИСТРАТОРУ.

Вера несколько секунд смотрела на экран, затем достала телефон и позвонила Ирине Павловне.

Начальница ответила не сразу.

— Да, Вера Андреевна?

— Доброе утро. У меня не работает пропуск.

— Я знаю.

— Что значит «знаете»?

— Вчера вечером поступило распоряжение о временном ограничении вашего доступа к архивным материалам.

Вера почувствовала, как кофе в руке вдруг стал слишком горячим.

— На каком основании?

— Проводится проверка.

— Какая проверка?

— Вера Андреевна, я не могу обсуждать это по телефону.

— Но вы можете объяснить, почему я не могу попасть на своё рабочее место?

На том конце провода послышался вздох.

— Ваш доступ к обычным документам восстановят после согласования. Пока вы можете работать с бумажным архивом и выполнять поручения, не связанные с электронными базами.

— А кто принял решение?

— В служебном распоряжении указана межведомственная комиссия.

Вера закрыла глаза.

— Какая комиссия?

— Мне не сообщили подробностей.

— И вы не спросили?

— Конечно, спросила. Мне ответили, что это не относится к моей компетенции.

Вера посмотрела на закрытую дверь.

— Понятно.

— Вера, послушайте меня. Я не знаю, что происходит, и не могу вам помочь, если вы будете продолжать действовать самостоятельно. Просто дождитесь окончания проверки.

— А если проверка не закончится?

— Не говорите глупостей.

Ирина Павловна произнесла это резко, но почти сразу смягчилась:

— Я понимаю, что вам неприятно. Но у нас есть правила. Вы хороший сотрудник, и я не хочу, чтобы вы потеряли работу из-за какой-то ошибки.

Вера промолчала.

— Вы меня слышите?

— Да.

— Тогда идите в отдел кадров. Там должны выдать временный пропуск.

— Хорошо.

Она отключилась.

Вера стояла в пустом коридоре и смотрела на красный индикатор считывателя.

Восемь лет она приходила сюда каждый день. Знала, где скрипит пол, какой автомат с кофе постоянно выдаёт сдачу не теми монетами и в каком шкафу хранятся бумажные журналы за годы, когда электронный архив ещё не существовал.

Она знала, как устроена работа отдела, кому звонить при сбое, как оформлять запросы и что делать, если в документах обнаруживается ошибка.

Но теперь ей сообщили, что она не может войти в собственный кабинет, потому что кто-то, чьего имени она не знает, решил ограничить её доступ.

И никто не считал нужным объяснить почему.

Вера медленно убрала телефон в карман.

Потом развернулась и пошла в отдел кадров.

Она ещё не собиралась сдаваться.

Но впервые за два дня начала понимать, что происходит нечто большее, чем обычная административная неразбериха.

Кто-то не просто удалял документы.

Кто-то менял правила вокруг неё.

Временный пропуск выдали через двадцать минут.

На нём была фотография Веры, её фамилия и крупная надпись:

ДОСТУП: ОГРАНИЧЕННЫЙ.

— Это на сколько? — спросила она сотрудницу отдела кадров.

— До особого распоряжения.

— А когда будет особое распоряжение?

— Не знаю.

— Кто его должен выдать?

Женщина подняла глаза от монитора.

— Вера Андреевна, я занимаюсь кадровыми документами. Я не участвую в проверке. Мне прислали список сотрудников, я выполнила распоряжение.

Вера взяла пропуск.

— Спасибо.

Она не стала спорить. Сотрудница действительно ничего не решала. В этом и заключалась одна из самых неприятных особенностей больших организаций: каждый человек отвечал за небольшой участок работы, и почти никто не отвечал за то, что происходило в целом.

Вера вернулась в архив.

Лида уже сидела за своим столом и пила чай.

— Что случилось? — спросила она, увидев пропуск.

— У меня ограничили доступ.

— За что?

— Пока не знаю.

Лида поставила чашку.

— Это из-за той записи?

Вера не ответила.

— Верочка, ты только не обижайся, но, может, тебе стоит оставить её? — продолжила Лида. — Ну правда. Ты нашла какую-то старую ошибку, сообщила куда надо. Дальше пусть разбираются специалисты.

— Они не разбираются. Они удаляют всё, что связано с этой ошибкой.

— Может, там персональные данные.

— Может.

— Или судебное дело.

— Может.

Лида помолчала.

— А ты сама чего хочешь?

Вера посмотрела на неё.

Вопрос оказался неожиданно сложным.

Чего она хотела?

Ещё вчера она сказала бы, что хочет разобраться в документах. Сегодня понимала, что этого недостаточно. Она хотела знать, почему отец участвовал в секретном исследовании. Хотела понять, что произошло в последние недели его жизни. Хотела выяснить, почему мать испугалась, услышав имя Елены Левиной.

И, если быть честной, она хотела доказать, что не сошла с ума.

Потому что когда события становятся настолько странными, человек начинает сомневаться не только в окружающих, но и в собственной памяти.

— Я хочу понять, что произошло, — сказала она.

Лида долго смотрела на неё.

— Тогда хотя бы не делай этого одна.

Вера впервые за утро улыбнулась.

— Спасибо.

— Я серьёзно.

— Я знаю.

Лида вернулась к своей чашке.

— И поешь что-нибудь. У тебя лицо такое, будто ты всю ночь мёртвых допрашивала.

Вера невольно посмотрела на блокнот в сумке.

— Почти.

В бумажном архиве пахло пылью, картоном и старой краской.

Помещение занимало половину подвального этажа. Вдоль стен стояли металлические стеллажи, заполненные коробками и папками. На каждой коробке был указан год, отделение и диапазон номеров. В дальнем углу находился небольшой стол с лампой и компьютером, который использовали только для поиска старых регистрационных журналов.

Вера работала здесь нечасто. Электронная система давно заменила большую часть бумажных документов, но старые истории болезни всё ещё хранились в соответствии с правилами медицинского архива.

Она нашла журнал за 2014 год, положила его на стол и открыла на нужном разделе.

Номер карточки был ей знаком.

14-08-7712.

В бумажном журнале такая запись существовала.

Она провела пальцем по строке.

Соколов Андрей Викторович.

Вера перестала дышать.

Она знала, что отец мог иметь отношение к исследованию. Но до этого момента не думала, что запись, которую она нашла в электронной системе, может оказаться связана непосредственно с ним.

Она перечитала строку.

Дата поступления — 14 августа 2014 года.

Отделение — терапевтическое.

Статус — перевод в специализированное учреждение.

Никакой даты смерти.

Никакой выписки.

Только короткая пометка, сделанная от руки:

Передано по распоряжению комиссии. Документы не возвращены.

Вера села.

Отец был жив в 2014 году. Ему было сорок шесть. Он работал медицинским аналитиком, занимался статистикой и иногда помогал врачам разбираться в сложных случаях. Вера

помнила, как он рассказывал о своей работе, но никогда не слышала, чтобы он участвовал в клинических исследованиях.

Она открыла соседнюю страницу.

В журнале значились ещё четыре пациента, поступивших в том же месяце. У всех стояла одинаковая пометка о передаче в специализированное учреждение.

Одинаковый почерк.

Одинаковая дата оформления.

Одинаковая ссылка на распоряжение комиссии.

Вера записала фамилии.

Первый пациент — мужчина пятидесяти двух лет.

Вторая — женщина двадцати девяти лет.

Третий — мальчик двенадцати лет.

Четвёртая строка была частично закрыта полоской бумаги, приклеенной поверх страницы.

Вера осторожно приподняла край.

Под ней сохранились несколько букв.

...ина Е. С.

И номер медицинской карты.

Она переписала его в блокнот.

Потом закрыла журнал и некоторое время сидела неподвижно.

Теперь она знала, что отец не просто участвовал в исследовании.

Его медицинская карта была передана в неизвестное учреждение по распоряжению комиссии. Документы не вернули. А спустя девять лет в электронной системе появилась запись о лечении пациента, которого уже давно считали умершим.

Вера не знала, относилась ли эта запись к отцу или к кому-то другому.

Но если относилась, тогда возникал вопрос, на который она не могла ответить: почему в 2023 году его выписали из больницы, если он умер в 2036-м?

И почему в электронной карточке дата смерти стояла раньше даты выписки?

Она открыла журнал на следующей странице.

Внизу, возле последней записи, стояла маленькая красная отметка.

Копирование запрещено.

Вера достала телефон, чтобы сфотографировать страницу, но остановилась.

Вчерашний снимок исчез из системы. Она не знала, могли ли отслеживать фотографии, сделанные на личный телефон, но решила не рисковать.

Вместо этого она переписала всё от руки.

Когда закончила, в помещении погас свет.

Вера подняла голову.

— Лида?

Ответа не последовало.

Она посмотрела на дверь. В коридоре тоже было темно.

Через несколько секунд включилось аварийное освещение, и над выходом загорелась зелёная табличка.

Вера встала, закрыла журнал и направилась к двери.

Но прежде чем она успела выйти, за спиной раздался голос.

— Не стоит искать то, что давно убрали.

Она резко обернулась.

У дальнего стеллажа стоял мужчина.

Высокий, худой, в тёмном пальто. Лицо казалось знакомым, хотя Вера не могла вспомнить, где его видела. Он держал в руках тонкую папку и смотрел на неё без особого выражения.

— Кто вы? — спросила она.

— Человек, который советует вам остановиться.

— Вы сотрудник больницы?

— Нет.

— Тогда как вы сюда попали?

Мужчина не ответил.

Вера почувствовала, как страх снова поднимается внутри, но заставила себя стоять спокойной.

— Вы знаете моего отца?

На мгновение его лицо изменилось.

Совсем немного — едва заметно напряглись губы, взгляд скользнул в сторону. Но Вера увидела это.

— Андрей Соколов, — произнесла она. — Вы знаете, что с ним произошло?

Мужчина медленно закрыл папку.

— Ваш отец был умным человеком.

— Я не спрашивала, был ли он умным.

— Он верил, что наука принадлежит всем.

— А разве нет?

Мужчина посмотрел на неё с усталостью.

— Вы даже не представляете, что именно спрашиваете.

— Тогда объясните.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Вы хотите получить ответы, потому что считаете, что имеете на них право. Но иногда правда не освобождает. Иногда она просто делает человека следующим в списке.

Вера почувствовала, как у неё похолодели ладони.

— В каком списке?

Мужчина не ответил.

Он прошёл мимо неё к выходу. Вера отступила, пропуская его, но, когда он оказался рядом, успела заметить на папке маленькую надпись.

ЭДЕМ.

Она обернулась.

— Подождите!

Мужчина остановился у двери.

— Что произошло с моим отцом?

Он посмотрел на неё через плечо.

— Он совершил одну ошибку.

— Какую?

— Решил, что лекарство должно принадлежать людям, а не тем, кто его создал.

После этого он вышел.

Вера бросилась следом, но коридор оказался пустым.

Она осмотрела лестницу, заглянула в соседние помещения, даже выбежала к служебному выходу. Никого.

Когда она вернулась в архив, свет уже горел.

Журнал лежал на столе.

Вера открыла его на нужной странице.

Красная отметка «Копирование запрещено» осталась на месте.

Но полоска бумаги, закрывавшая четвёртую фамилию, исчезла.

Под ней не было ни имени, ни номера карты.

Только чистый лист.

В тот день Вера впервые солгала начальнице.

Когда Ирина Павловна спросила, чем она занималась в бумажном архиве, Вера ответила, что проверяла старые регистрационные журналы по запросу терапевтического отделения.

Это было почти правдой.

Она действительно проверяла журналы.

Но не по запросу отделения.

И не только ради работы.

После разговора с женщиной Вера вернулась к своему столу и сделала вид, что занимается обычными задачами. Она отвечала на письма, проверяла документы, ставила отметки в таблицах. Несколько раз ей казалось, что кто-то наблюдает за ней из коридора, но, когда она поднимала голову, там никого не было.

В половине второго Лида принесла ей бутерброд.

— Ты сегодня какая-то бледная.

— Не выпалась.

— Ага. И я не выпалась, но у меня хотя бы лицо человеческое.

Вера взяла бутерброд.

— Спасибо.

Лида села напротив.

— Слушай, я тут вспомнила одну вещь.

Вера подняла глаза.

— Какую?

— Когда твой отец лежал в больнице, ты ведь говорила, что к нему приходили какие-то люди из Москвы.

Вера замерла.

— Что?

— Ну, я не уверена. Ты тогда была совсем никакая. Мы с тобой разговаривали в коридоре, ты рассказывала, что какой-то мужчина спрашивал у врачей про его документы.

Вера медленно положила бутерброд на стол.

— Я такого не помню.

— Может, я путаю. Но ты ещё сказала, что он не представился.

Вера смотрела на Лиду, пытаясь восстановить события пятилетней давности.

Она действительно часто сидела в больнице рядом с отцом. Помнила длинные коридоры, пластиковые стулья, запах антисептика и свет, который никогда не выключали полностью. Помнила, как врачи выходили из палаты и говорили, что состояние тяжёлое, но стабильное.

Однако никакого мужчины из Москвы она не помнила.

— Когда это было? — спросила она.

— Кажется, за несколько дней до его смерти.

— Ты уверена?

— Нет. Я же говорю, могу путать. Но вспомнила, когда ты вчера рассказывала про странный звонок.

Вера почувствовала, как у неё внутри всё сжалось.

— Лида, ты помнишь, как он выглядел?

— Нет. Вроде высокий. В тёмной одежде.

Вера невольно вспомнила мужчину из архива.

— А он что-нибудь сказал?

— Не помню.

Лида посмотрела на неё внимательнее.

— Верочка, что происходит?

Вера могла рассказать ей всё. Но теперь, после разговора с незнакомцем, слова казались опасными. Она не знала, кто он такой, откуда пришёл и почему смог попасть в закрытое архивное помещение.

Она не знала, можно ли доверять даже людям, которых знала много лет.

— Пока не знаю, — ответила она честно.

Лида не стала настаивать.

Она только протянула руку через стол и накрыла ладонью пальцы Веры.

— Тогда будь осторожна.

Вера кивнула.

Это были простые слова.

Но впервые за долгое время они прозвучали не как совет, а как предупреждение.

После работы Вера поехала не домой.

Она вышла на две остановки раньше и направилась к частной клинике, где теперь работал врач, подписавший последние медицинские документы её отца.

Клиника находилась в новом здании на окраине города. Стеклопакетные двери открывались бесшумно, в холле пахло свежим кофе, а на стене висел огромный экран с рекламой профилактических обследований.

На ресепшене сидела девушка в светло-голубой форме.

— Добрый вечер. Чем могу помочь?

— Мне нужно поговорить с доктором Сергеем Николаевичем Крыловым.

— У вас запись?

— Нет. Я по личному вопросу.

Девушка открыла расписание.

— Сегодня у него последний приём закончился в шесть. Сейчас он уже ушёл.

— А завтра?

— Завтра он будет с девяти до четырёх.

Вера помолчала.

— Можно оставить ему сообщение?

— Конечно.

Она достала блокнот и написала на листке:

Вера Соколова. Дочь Андрея Соколова. Мне нужно поговорить с вами о медицинских документах моего отца и исследовании «Эдем».

Девушка взяла листок, прочитала и на мгновение замерла.

Это было почти незаметно, но Вера увидела.

— Что-то не так? — спросила она.

— Нет, всё в порядке.

Девушка сложила листок и убрала его в папку.

— Я передам доктору.

Вера уже собиралась уходить, когда заметила на стене фотографию медицинской конференции. На снимке стояли несколько врачей и исследователей. В центре — мужчина лет пятидесяти с седыми волосами и очками в тонкой оправе.

Вера узнала его.

Это был тот самый человек, который стоял сегодня в архиве.

Она подошла ближе.

Под фотографией была подпись:

Участники международного симпозиума по регенеративной медицине. 2023 год.

Вера прочитала список имён.

Среди них значились Сергей Крылов, Елена Левина и Павел Константинович Громов.

Последняя фамилия ничего ей не говорила.

Но инициалы совпадали с теми, что стояли в библиографической записи.
Вера достала телефон и сфотографировала стенд.
— Вы знаете, кто этот мужчина? — спросила она, указывая на фотографию.
Девушка за стойкой подняла голову.
— Какой?
— Вот этот. С седыми волосами, в центре.
— Кажется, профессор Громов. Он раньше консультировал нашу клинику.
— Раньше?
— Да. Сейчас, по-моему, уже не работает.
— А где его можно найти?
Девушка покачала головой.
— Не знаю. У него вроде была своя лаборатория, но она закрылась несколько лет назад.
— Где?
— Простите, я не могу сказать.
Вера посмотрела на неё.
Девушка отвела глаза.
Она не просто не знала.
Она не хотела отвечать.
Вера поблагодарила её и вышла на улицу.
На телефоне было новое сообщение.
Неизвестный номер.
Вы были в клинике. Не делайте этого снова.
Вера остановилась посреди тротуара.
Вокруг шли люди. Проезжали машины. На остановке кто-то громко разговаривал по телефону. В окнах здания напротив отражалось вечернее небо.
Она медленно подняла голову.
На другой стороне улицы стоял мужчина в тёмном пальто.
Тот самый, из архива.
Он смотрел прямо на неё.
Вера не двинулась с места.
Мужчина тоже.
Потом он отвернулся, перешёл дорогу и исчез в потоке людей.
Вера осталась стоять под фонарём, сжимая телефон.
Ей хотелось бежать за ним, кричать, требовать ответов. Хотелось вызвать полицию, пожаловаться на угрозы, рассказать кому-нибудь всё, что произошло за последние дни.
Но она не сделала ничего.
Потому что впервые поняла: если кто-то способен следить за ней, знать, куда она едет, и отправлять сообщения через несколько минут после её действий, то проблема не в том, что она не знает правду.
Проблема в том, что кто-то уже знает, что она её ищет.
Дома Вера не стала включать телевизор.
Она приготовила чай, села за стол и открыла фотографию медицинской конференции.
Увеличила изображение.
Слева стоял отец.
Он выглядел моложе, чем на последних семейных фотографиях. На нём был тёмный костюм, белая рубашка и тонкий галстук. Он улыбался, но улыбка казалась натянутой.
Рядом стояла Елена Левина.
За ней — Павел Громов.
Вера внимательно рассматривала лица.

Она не могла поверить, что никогда не видела эту фотографию. Отец редко рассказывал о работе, но не скрывал, что ездил на конференции. Почему он не показал семье снимок, на котором стоял рядом с людьми, связанными с секретным исследованием?

Она приблизила изображение ещё сильнее.

На заднем плане висел баннер с логотипом конференции. Под ним стояли слова:
РЕГЕНЕРАТИВНАЯ МЕДИЦИНА. НОВАЯ ЭРА ТЕРАПИИ.

Ниже мелким шрифтом:

Специальная сессия: восстановление системных функций организма.

Вера открыла поисковик и ввела название сессии.

На этот раз система выдала несколько результатов.

Первый — старая новостная заметка о конференции.

Второй — публикация в медицинском журнале.

Третий — ссылка на видеозапись, которая больше не существовала.

Вера открыла статью.

Текст начинался с описания перспектив регенеративной медицины, возможностей клеточного восстановления и разработки новых терапевтических подходов. В середине упоминался исследовательский протокол «Эдем».

Она задержала дыхание.

В статье говорилось, что предварительные результаты показали «необычно высокий уровень восстановления функций при ряде системных заболеваний».

Ниже стояла оговорка:

Результаты не подлежат широкому применению до завершения независимой проверки безопасности и долгосрочных последствий.

Вера перечитала абзац.

Это ещё не было доказательством существования универсального лекарства. Речь могла идти о перспективной экспериментальной терапии, которая помогала отдельным пациентам, но требовала дальнейшего изучения.

И всё же она существовала.

В 2023 году об этом писали в медицинском журнале.

Потом публикацию отозвали.

Вера прокрутила страницу вниз, пытаясь найти причину отзыва.

Внизу стояла короткая запись:

Публикация отозвана по требованию правообладателя исследовательских данных.

Она открыла сведения о правообладателе.

Консорциум медицинских технологий «Горизонт».

Вера никогда не слышала об этой организации.

Но теперь у неё было ещё одно название.

Она открыла новую вкладку и ввела его в поисковую строку.

Система выдала несколько результатов, большинство из которых относились к обычным медицинским компаниям. Однако среди них нашлась старая запись в государственном реестре.

Консорциум был зарегистрирован в 2018 году.

Его учредителями значились три организации: частная фармацевтическая компания, государственный научный институт и фонд медицинских исследований.

Вера открыла список руководителей.

В нём значилась фамилия Павла Константиновича Громова.

Того самого человека с фотографии.

Она продолжила читать.

В 2029 году консорциум получил государственное финансирование на разработку методов лечения редких системных заболеваний. В 2032-м ему предоставили право использовать закрытые медицинские архивы нескольких крупных больниц.

В 2035 году сведения о руководстве были засекречены.

В 2037-м консорциум прекратил публичную деятельность.

Официальная причина: реструктуризация.

Вера сидела перед экраном и чувствовала, как история постепенно обретает очертания.

Не полные.

Не ясные.

Но уже достаточно отчётливые, чтобы понять: «Эдем» был не случайной записью в старой медицинской карте.

Он существовал как минимум тринадцать лет назад. С ним были связаны её отец, Елена Левина и Павел Громов. Исследование финансировалось через консорциум, который имел доступ к закрытым медицинским архивам.

А потом всё исчезло.

Публикации отозвали. Организация прекратила публичную деятельность. Документы исчезли из больничной системы. Люди, которые могли объяснить происходящее, отказывались разговаривать.

Вера открыла блокнот.

На первой странице она написала:

ЭДЕМ.

Под ним перечислила имена:

Андрей Соколов.

Елена Левина.

Павел Громов.

Затем добавила:

Сергей Крылов.

Она провела между именами линии.

Получилась простая схема.

Четыре человека, одна программа, исчезнувшие документы и смерть, которая теперь казалась ей не такой понятной, как прежде.

Вера долго смотрела на схему.

Потом открыла фотографию отца и увеличила её ещё раз.

На снимке Андрей Соколов стоял рядом с Павлом Громовым, улыбаясь в камеру. Но на его лице было что-то, чего Вера раньше не замечала.

Не страх.

Скорее усталость человека, который слишком долго убеждал себя, что поступает правильно.

Она вспомнила слова незнакомца:

Он совершил одну ошибку. Решил, что лекарство должно принадлежать людям, а не тем, кто его создал.

Вера откинулась на спинку стула.

Она ещё не знала, что именно скрывали создатели «Эдема». Не знала, был ли протокол успешным, почему его засекретили и что произошло с людьми, которые проходили лечение.

Но впервые у неё возникла мысль, от которой стало по-настоящему страшно.

Возможно, отец умер не потому, что врачи не смогли его спасти.

Возможно, его не собирались спасать.

В ту же ночь Вера нашла медицинскую статью, опубликованную в 2023 году под заголовком:

«Системный воспалительный ответ неизвестной этиологии: клинические наблюдения и результаты экспериментальной терапии».

Статья была короткой. Всего шесть страниц.

В ней описывались пациенты с тяжёлыми заболеваниями, которые не поддавались стандартному лечению. У некоторых наблюдалось быстрое ухудшение состояния, у других — необычная реакция на обычные препараты. Авторы отмечали, что в отдельных случаях экспериментальная терапия приводила к значительному улучшению.

Вера читала медленно, выписывая незнакомые термины.

Она не была врачом. Не могла оценить качество исследования, не знала, насколько убедительными были результаты и можно ли было делать выводы на основании небольшого количества пациентов.

Но одна деталь привлекла её внимание.

В разделе о критериях отбора говорилось, что участники исследования имели «различные первичные диагнозы, объединённые сходным характером системных нарушений».

То есть у пациентов были разные заболевания.

Но исследователи считали, что между ними существует нечто общее.

Вера перечитала этот абзац.

Затем открыла список авторов.

Первым стоял Андрей Соколов.

Второй — Елена Левина.

Третьим — Павел Громов.

В конце статьи была указана дата поступления рукописи в редакцию.

17 октября 2023 года.

Вера посмотрела на часы.

01:26.

Она должна была лечь спать несколько часов назад.

Завтра предстоял рабочий день, и если её пропуск не восстановят, придётся объясняться с начальницей. Нужно было купить продукты, оплатить счёт за интернет и позвонить матери.

Обычная жизнь всё ещё ждала её.

Но теперь Вера понимала, что больше не сможет вернуться к ней прежней.

Она открыла документ и сохранила его в трёх разных местах.

Затем сделала ещё одну запись в блокноте:

Найти пациентов из исследования. Проверить диагнозы. Узнать, что означает «системное воспаление неизвестной этиологии».

Она закрыла ноутбук.

В комнате было темно, за окном шумел ветер. Вера легла в постель, но сон не приходил.

Она думала о людях, чьи имена стояли в старом журнале. О пациентах, которых передавали в неизвестное учреждение. О тех, кто проходил лечение по закрытому протоколу и исчезал из обычных медицинских записей.

Кто они были?

Что с ними случилось?

И почему никто не хотел говорить о них?

Вера повернулась на бок и посмотрела на спящего Артёма.

Ему ничего не было известно. Он жил своей жизнью, строил планы, откладывал деньги на машину, ругался с заказчиками и иногда жаловался, что в мире слишком много бессмысленных правил.

Она вдруг поняла, насколько легко потерять обычную жизнь, даже не заметив момента, когда это происходит.

Ещё три дня назад её главным беспокойством было то, что она не может накопить достаточно денег на отпуск.

Теперь она боялась, что кто-то может войти в её квартиру, забрать документы отца и стереть из памяти всё, что она узнала.

Она не знала, насколько реальна эта угроза.

Но знала, что уже не сможет остановиться.

Потому что вопрос больше не заключался в том, существовало ли лекарство от всех болезней.

Вопрос был в другом.

Если такое лекарство действительно существовало, то сколько людей умерло, так и не узнав о нём?

И кто решил, что их жизни не стоят того, чтобы их спасти?

Вера закрыла глаза.

На этот раз ей ничего не приснилось.

Утром, в 7:12, в редакцию одного медицинского журнала пришло письмо.

Отправитель не указал имени. В теме значилось:

Запрос о публикации от 17 октября 2023 года.

В письме была одна строка:

Прошу предоставить полный текст статьи «Системный воспалительный ответ неизвестной этиологии: клинические наблюдения и результаты экспериментальной терапии», включая приложения и первоначальную версию рукописи.

Редактор открыл запрос, прочитал его и переслал в юридический отдел.

Через двадцать минут письмо было удалено.

В 8:03 на внутреннем сервере появилась отметка:

ЗАПРОС ЗАФИКСИРОВАН.

В 8:17 кто-то открыл профиль отправителя.

В 8:19 система попыталась определить устройство, с которого было отправлено письмо.

Результат оказался неожиданным.

Запрос поступил с компьютера, который числился уничтоженным пять лет назад.

Компьютера, принадлежавшего Андрею Викторовичу Соколову.

И в 8:21 Павел Громов получил уведомление, которого ждал много лет.

Обнаружена активность в архиве «Эдем».

Он прочитал сообщение, медленно снял очки и закрыл глаза.

Потом позвонил по внутреннему номеру.

— Она нашла первую статью, — сказал он.

На другом конце ответили не сразу.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда пора начинать второй этап.

Громов посмотрел на фотографию, стоявшую в рамке на его столе.

На ней были трое людей: он сам, Андрей Соколов и Елена Левина.

Все трое улыбались.

Все трое ещё верили, что наука способна изменить мир к лучшему.

Громов перевернул фотографию лицом вниз.

— Нет, — сказал он. — Второй этап начался задолго до неё.

Он отключил связь.

За окном медленно поднималось солнце.

А в больнице № 14 Вера Соколова уже шла на работу, не подозревая, что её имя впервые за пять лет появилось в закрытом архиве, который официально перестал существовать.

Глава 4. Письмо от отца

Вера нашла письмо в четверг, хотя искала его в среду.

Это было не совсем письмо. Скорее, листок, вырванный из блокнота, сложенный вчетверо и засунутый между страницами старого справочника по медицинской статистике. На бумаге не было ни даты, ни обращения, ни подписи. Только несколько строчек, написанных отцовским почерком — немного наклонным, с длинными нижними хвостами у букв «у» и «д».

Вера узнала его сразу.

Она сидела на полу в комнате матери, среди коробок с документами, и держала листок обеими руками, боясь даже дышать.

Если со мной что-то случится, не верь тому, что тебе скажут.

Ниже стояло:

Ищи оригинал. Не копию. Оригинал.

А под этим, будто отец передумал и решил добавить ещё что-то, была написана фамилия: Левина.

Вера перечитала записку несколько раз.

Потом перевернула листок.

На обратной стороне ничего не было.

Она посмотрела на справочник, из которого выпал листок. Книга принадлежала отцу. Он купил её ещё в начале двухтысячных, когда Вера училась в школе, и долгое время держал на нижней полке книжного шкафа. После его смерти мать забрала несколько книг к себе, остальные раздала знакомым.

Эту почему-то сохранила.

Вера провела пальцем по краю страницы, на которой лежала записка. Бумага пожелтела, на углу виднелось небольшое пятно от кофе. Листок мог пролежать здесь годами.

Но почему мать не нашла его раньше?

Или нашла?

Вера подняла голову.

Мать стояла у двери комнаты и смотрела на неё.

— Ты что там делаешь? — спросила она.

Вера не ответила сразу.

— Ищу папины документы.

— Я же сказала, что у меня почти ничего не осталось.

— А это что?

Она протянула записку.

Мать не взяла её.

Вера увидела, как изменилось её лицо. Не сильно, не так, как в кино, когда человек внезапно узнаёт страшную тайну. Просто мать словно перестала понимать, что ей делать с руками. Она сцепила пальцы, разжала их, снова сцепила.

— Где ты это нашла? — спросила она.

— В папиной книге.

— Покажи.

Вера протянула листок ещё раз.

Мать взяла его осторожно, словно бумага могла рассыпаться от прикосновения.

Она прочитала текст.

Потом села на край кровати.

— Я думала, он уничтожил всё, — сказала она.

Вера почувствовала, как сердце ударило в грудь.

— Что уничтожил?

Мать не ответила.

— Мам, что он уничтожил?

Она подняла глаза.

В них не было слёз. Только усталость, которая, казалось, копилась годами.

— Документы, — сказала она наконец. — Он говорил, что от них нужно избавиться.

— Какие документы?

— Я не знаю. Он никогда не показывал мне их полностью.

— Но ты знала, что они существуют?

Мать закрыла глаза.

— Да.

Вера медленно опустилась на пол.

В квартире было тихо. За окном проехала машина, где-то в подъезде хлопнула дверь. На кухне работал холодильник, и его ровный гул казался теперь почти невыносимым.

— Почему ты мне ничего не сказала?

Мать посмотрела на записку.

— Потому что он просил.

— Он просил тебя скрывать от меня правду?

— Он просил меня не втягивать тебя в это.

Вера почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Мне было двадцать шесть, когда он умер. Я была взрослым человеком. Я могла сама решить, хочу ли знать.

— Нет, Вера. Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

Мать долго молчала.

Потом сложила листок по старым сгибам и положила на кровать.

— Твой отец не всегда был таким, каким ты его помнишь в последние годы. Он мог быть упрямым, резким, иногда совершенно невыносимым. Если он во что-то верил, его невозможно было переубедить. Но он никогда не лгал мне намеренно. По крайней мере, я так думала.

— А потом?

Мать посмотрела на неё.

— Потом я поняла, что он научился молчать.

Вера ничего не сказала.

— Сначала это были мелочи, — продолжила мать. — Он стал задерживаться на работе. Потом перестал рассказывать, куда ездит. Иногда ему звонили ночью, и он уходил на балкон. Когда я спрашивала, что происходит, он отвечал, что это рабочие вопросы.

— Ты верила ему?

— Да.

— Почему?

Мать слабо улыбнулась.

— Потому что я любила его. А когда любишь человека, тебе хочется верить, что он всё делает правильно. Даже когда ты понимаешь, что что-то не так.

Вера отвела взгляд.

Она знала это чувство. Слишком хорошо знала.

— Когда ты впервые услышала о «Эдеме»? — спросила она.

Мать резко подняла голову.

— Откуда ты знаешь это название?

Вера не ответила.

— Вера, откуда?

— Я нашла документы.

— Какие документы?

— Мам, неважно. Скажи мне, что такое «Эдем».

Мать встала и подошла к окну. Несколько секунд она смотрела на двор, где женщина в красной куртке выгуливала маленькую собаку.

— Я не знаю, что это такое сейчас, — сказала она. — Но тогда твой отец говорил, что они нашли способ лечить болезни, которые прежде считались неизлечимыми.

Вера почувствовала, как у неё пересохло во рту.

— Все болезни?

— Он не говорил «все». Он говорил, что они нашли общий механизм, который можно использовать для восстановления организма. Что-то связанное с клетками, иммунной системой, повреждёнными тканями. Я не разбиралась в науке.

— И это работало?

Мать медленно повернулась.

— Он говорил, что работало.

Вера встала.

— Мам, ты понимаешь, что это значит?

— Я понимаю, что твой отец умер, — резко сказала мать. — И я понимаю, что теперь ты пытаешься найти объяснение, которое сделает его смерть менее бессмысленной. Но не всякая тайна означает, что кто-то виноват.

— Я не пытаюсь сделать его смерть менее бессмысленной.

— Тогда чего ты хочешь?

Вера открыла рот, но не смогла ответить сразу.

Она хотела, чтобы отец был жив.

Хотела вернуться в тот день, когда он ещё мог говорить, и спросить его обо всём. Хотела знать, почему он не рассказывал семье о своей работе, почему мать хранила молчание, почему в медицинской карте отсутствовали результаты обследований.

Но больше всего она хотела понять, почему люди, которые могли спасти его, не сделали этого.

— Я хочу знать правду, — сказала она.

Мать опустила голову.

— Тогда тебе нужно найти Елену Левину.

Вера замерла.

— Ты знаешь, где она?

— Нет. Но твой отец оставил её фамилию не случайно.

— Кто она?

Мать посмотрела на записку.

— Человек, которому он доверял больше, чем мне.

Эти слова прозвучали тихо, почти без обиды.

И оттого оказались особенно жестокими.

Вера вернулась домой после девяти вечера.

В сумке лежали записка, старый справочник и несколько документов, которые она забрала у матери. Она не стала рассказывать Артёму, где была. Сказала только, что заезжала к родным и задержалась.

Он не задавал вопросов.

Они поужинали почти молча. Артём рассказывал о заказчике, который отказался платить за выполненную работу, Вера кивала в нужных местах, иногда задавала короткие вопросы. Она старалась слушать, но мысли постоянно возвращались к разговору с матерью.

Он говорил, что они нашли способ лечить болезни, которые прежде считались неизлечимыми.

Эта фраза не выходила у неё из головы.

Вера понимала, что мать могла неправильно понять отца. Могла запомнить только то, что хотела услышать. Могла смешать его слова с собственными надеждами. В конце концов, она не была учёным и не участвовала в исследованиях.

Но отец действительно работал над чем-то, что потом засекретили.

Это уже не было предположением.

У неё имелись документы.

Фотографии.

Старые публикации.

И записка, в которой отец прямо просил искать оригинал.

Вера дождалась, пока Артём уйдёт в душ, и открыла ноутбук.

Она ввела в поисковую строку имя Елены Левиной, затем добавила название «Эдем». Результаты были почти такими же, как раньше: старые библиографические записи, ссылки на недоступные публикации, несколько упоминаний регенеративной медицины.

Но теперь у неё был новый вопрос.

Что именно означал «оригинал»?

Оригинал чего?

Медицинской карты? Исследовательской статьи? Протокола? Записей отца?

Она открыла старую статью, которую нашла накануне, и снова прочитала описание исследования. В разделе о материалах и методах упоминалось, что первоначальные результаты хранились в нескольких экземплярах.

Один — в архиве исследовательского центра.

Второй — у руководителя проекта.

Третий — в личном хранилище главного исследователя.

Вера перечитала последний пункт.

Личное хранилище главного исследователя.

В списке авторов первым стоял Андрей Соколов.

Она закрыла статью и посмотрела на записку.

Ищи оригинал. Не копию.

Если отец действительно хранил оригинальные материалы, они могли находиться где угодно. В квартире, в старом офисе, в банковской ячейке, у кого-то из коллег.

Но если бы он оставил документы дома, мать, вероятно, нашла бы их.

Или уничтожила.

Вера вспомнила, что отец просил привезти ему ноутбук незадолго до госпитализации. Он хотел проверить какие-то документы. Возможно, там хранилась информация, которую он не мог держать на рабочем компьютере.

Ноутбук после ремонта так и не вернулся к ней. Мастер сказал, что накопитель повреждён, и предложил заменить его.

Вера тогда согласилась.

Она не помнила, что стало со старым накопителем.

Возможно, он остался в мастерской.

Возможно, его выбросили.

А возможно, его можно было восстановить.

Она нашла в почте старую переписку с сервисным центром. Письмо датировалось ноябрём 2036 года.

К сожалению, восстановление данных невозможно в рамках стандартной процедуры. Если информация имеет особую ценность, рекомендуем обратиться в специализированную лабораторию.

Ниже был указан адрес мастерской.

Она давно закрылась.

Но в письме сохранился номер заказа.

Вера записала его в блокнот.

За спиной открылась дверь ванной.

— Ты ещё не спишь? — спросил Артём.

— Нет, немного поработаю.

— Опять?

Он подошёл, посмотрел на экран и вздохнул.

— Вер, ты в последнее время вообще не отдыхаешь.

— Знаю.

— Может, возьмёшь пару дней? Сходишь куда-нибудь, отвлечёшься.

Вера закрыла ноутбук.

— Я не могу сейчас.

— Почему?

Она посмотрела на него.

Ей хотелось рассказать всё. Но после того, что произошло за последние дни, она уже не была уверена, что имеет право втягивать в это другого человека.

— У меня семейные дела, — сказала она.

Артём несколько секунд смотрел на неё.

— Ты можешь мне доверять.

Вера почувствовала укол вины.

Он не заслуживал её молчания. Не заслуживал того, чтобы она смотрела на него и думала, насколько безопасно говорить с ним правду.

Но она не знала, безопасно ли.

— Я знаю, — ответила она.

Артём кивнул и ушёл в спальню.

Вера осталась одна.

Она открыла ноутбук и продолжила искать.

В 00:37 ей пришло письмо.

Отправитель — неизвестный адрес, состоящий из случайного набора букв и цифр.

Тема отсутствовала.

Внутри было всего одно предложение:

Если вы действительно хотите узнать, что случилось с вашим отцом, перестаньте искать в интернете.

Ниже стоял адрес.

Не улица, не дом, не номер квартиры.

Координаты.

Вера скопировала их и открыла карту.

Точка находилась за городом, примерно в сорока километрах от Нижнего города, рядом с заброшенным научно-исследовательским комплексом, который закрыли ещё в 2030-х годах.

Она слышала о нём. Когда-то там проводили исследования в области клеточной терапии, но после реорганизации института лаборатории перевели в новый корпус, а старые здания оставили пустовать.

Вера посмотрела на координаты.

Потом на часы.

00:41.

Она не собиралась ехать туда ночью.

Даже если письмо было настоящим, это могло быть ловушкой. Она не знала отправителя, не знала, кто имел доступ к её почте, и не понимала, почему кто-то решил связаться с ней именно сейчас.

Но письмо подтверждало то, что она уже подозревала: кто-то следил за её поисками.

Она открыла свойства сообщения.

В заголовках обнаружился технический адрес сервера, через который оно было отправлено. Вера не понимала всех обозначений, но заметила домен, связанный с медицинским консорциумом «Горизонт».

Она проверила его через открытый реестр.

Домен был зарегистрирован на организацию, которая прекратила публичную деятельность несколько лет назад.

Вера почувствовала, как сердце забилося быстрее.

Она распечатала письмо, сохранила его в отдельную папку и записала координаты в блокнот.

Потом открыла поиск и ввела название заброшенного комплекса.

В старых публикациях он назывался «Север-4».

Вера вспомнила пролог, который когда-то прочитала в архивной записи. Научно-клинический комплекс «Север».

Она не знала, был ли это тот же объект.

Но совпадение оказалось слишком точным, чтобы его игнорировать.

Она открыла спутниковую карту.

Здания комплекса были окружены лесом. К основной дороге вела узкая асфальтированная полоса, местами заросшая травой. На снимке за 2039 год возле одного из корпусов стояли два автомобиля.

На снимке за 2040 год автомобилей уже не было.

А на самом свежем изображении, сделанном несколько месяцев назад, Вера заметила возле служебного въезда тёмный прямоугольник.

Она увеличила изображение.

Это могла быть машина.

Или тень от дерева.

Она не могла разобрать.

Вера закрыла карту.

Завтра она поедет туда.

Не одна.

Она ещё не знала, кого попросить о помощи, но больше не собиралась действовать вслепую.

На следующее утро Вера позвонила Сергею Николаевичу Крылову.

Она нашла номер клиники в открытом справочнике и попросила соединить её с врачом. Секретарь ответила, что доктор принимает пациентов, но после короткой паузы попросила назвать причину звонка.

— Меня зовут Вера Соколова. Я дочь Андрея Соколова.

На том конце стало тихо.

— Одну минуту, — сказала секретарь.

Вера ждала.

Через минуту в трубке раздался мужской голос.

— Вера Андреевна?

— Да.

— Что вам нужно?

Она не ожидала такой прямоты.

— Мне нужно поговорить о моём отце.

— Я не могу обсуждать медицинские сведения по телефону.

— Я не прошу вас обсуждать диагноз. Я хочу узнать, почему вы подписали его последнюю выписку.

— Я не подписывал никакой выписки.

Вера замерла.

— В архиве есть документ с вашей подписью.

— Тогда покажите его мне.

— Я не могу получить доступ к архиву.

— Почему?

— Потому что мне ограничили доступ.

Крылов долго молчал.

— Кто ограничил?

— Я не знаю.

— Вера Андреевна, — сказал он наконец, — вы должны немедленно прекратить любые попытки получить эти документы.

Она почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Почему?

— Потому что вы не понимаете, с чем имеете дело.

— Тогда объясните.

— Я не могу.

— Не хотите?

— Не могу.

Вера сжала телефон.

— Мой отец умер пять лет назад. Я имею право знать, что с ним произошло.

— Да, — сказал Крылов.

Его ответ оказался неожиданным.

— Да, вы имеете право знать. Но не все, кто знает правду, могут её рассказать.

Вера молчала.

— Я видел вашего отца в последний раз в октябре 2036 года, — продолжил врач. — Он был очень слаб. Но он не боялся смерти. Он боялся другого.

— Чего?

— Что его работа окажется напрасной.

Вера почувствовала, как перехватило дыхание.

— Что он сделал?

Крылов не ответил.

— Доктор, пожалуйста.

— Найдите Елену Левину.

— Я пытаюсь.

— Тогда продолжайте.

— Вы знаете, где она?

— Нет.

— Кто знает?

Крылов тяжело вздохнул.

— Павел Громов.

Вера закрыла глаза.

— Я уже пыталась найти его.

— Не ищите его в интернете.

— Почему все говорят мне одно и то же?

— Потому что интернет — это место, где вы видите только то, что вам разрешили увидеть.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.

— А где мне искать?

Крылов помолчал.

— В старом комплексе «Север-4».

Вера посмотрела на координаты, записанные в блокноте.

— Вы знаете об этом месте?

— Я там работал.

— Вы были участником исследования?

— Да.

— Что такое «Эдем»?

Крылов долго молчал.

Потом сказал:

— Это был шанс.

— На что?

— На то, чтобы люди перестали умирать от болезней, которые можно было лечить.

Вера закрыла глаза.

— И что произошло?

— Мы решили, что сможем спасти всех. А потом выяснилось, что не все хотят, чтобы люди были спасены.

Он отключился.

Вера несколько секунд держала телефон у уха.

Потом медленно опустила руку.

За окном шёл дождь.

Она не поехала в «Север-4» в тот же день.

Сначала Вера сделала то, что умела лучше всего: проверила документы, составила список вопросов и попыталась найти подтверждения каждому факту.

Она распечатала старую статью, копию письма с координатами, фотографии медицинской конференции и запись из бумажного архива. Затем разложила всё на столе и начала сравнивать даты.

В 2014 году отец попал в больницу.

В 2023 году он участвовал в исследовании «Эдем».

В 2032 году консорциум «Горизонт» получил доступ к закрытым медицинским архивам.

В 2036 году отец умер.

В 2037 году консорциум прекратил публичную деятельность.

В 2041 году Вера обнаружила исчезнувшую медицинскую карту.

События складывались в последовательность, но между ними оставались огромные пробелы.

Что произошло в 2014 году?

Почему отец оказался в закрытом учреждении?

Кто были остальные пациенты?

Почему исследование засекретили?

И почему его результаты исчезли из открытого доступа?

Вера не могла ответить ни на один из этих вопросов.

Но теперь она знала, куда ехать.

Она нашла в интернете старый план комплекса «Север-4». На территории располагались лабораторный корпус, административное здание, технический блок и небольшая медицинская часть. Большинство зданий было законсервировано, но в отчёте о состоянии объекта за 2040 год значилось, что часть помещений продолжает использоваться для хранения оборудования.

Вера распечатала план.

Потом достала из шкафа небольшой фонарь, старую куртку и удобные ботинки.

Она не собиралась проникать в здания или нарушать закон. Просто хотела посмотреть на место, где, возможно, работал её отец. Если комплекс действительно заброшен, она попытается найти официальный контакт собственника и узнать, можно ли получить доступ к архивным помещениям.

Это был разумный план.

По крайней мере, ей хотелось в это верить.

Вечером она сказала Артёму, что на выходных собирается съездить за город.

— Куда? — спросил он.

— В одно старое научное учреждение. Хочу кое-что проверить.

Артём оторвался от телефона.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Вер, ты вообще слышишь себя? Ты несколько дней не спишь, у тебя проблемы на работе, ты постоянно сидишь за компьютером. И теперь собираешься ехать куда-то за город?

— Я буду осторожна.

— А если там опасно?

— Я не собираюсь никуда лезть.

Он посмотрел на неё так, словно хотел сказать ещё что-то, но передумал.

— Я поеду с тобой.

Вера удивилась.

— Правда?

— Конечно. Ты думаешь, я отпущу тебя одну?

Она почувствовала благодарность, смешанную с виной.

— Спасибо.

— Только давай без приключений, ладно? Посмотрим, что там, и вернёмся.

Вера кивнула.

Она не рассказала ему о письме с угрозами.

Не рассказала о мужчине в архиве.

Не рассказала, что в старой статье нашла имя отца и что теперь подозревает: его смерть могла быть связана с исследованием, о котором никто не хочет говорить.

Но впервые за несколько дней она почувствовала, что не совсем одна.

В пятницу вечером Вера снова позвонила матери.

Та ответила почти сразу.

— Ты дома?

— Да.

— Я хочу спросить тебя ещё об одной вещи.

Мать тяжело вздохнула.

— Вера...

— Пожалуйста. Последний вопрос на сегодня.

Мать помолчала.

— Хорошо.

— Ты знаешь, где папа хранил свои рабочие документы?

— Нет.

— Может быть, у него был сейф? Банковская ячейка? Старый офис?

— Не знаю.

Вера почувствовала разочарование.

— Мам, ты вообще что-нибудь знаешь?

— Я знаю, что твой отец любил тебя. И что он пытался защитить тебя от того, чего сам не мог контролировать.

— От чего?

Мать не ответила.

— Мам, я собираюсь в «Север-4».

На том конце провода стало тихо.

Так тихо, что Вера услышала слабый треск связи.

— Откуда ты знаешь это название? — спросила мать.

— Мне сказали.

— Кто?

— Неважно.

— Вера, не езжай туда.

Вера закрыла глаза.

— Почему?

— Потому что там ничего нет.

— Ты была там?

Мать не ответила.

— Мам, ты была там?

— Один раз.

Вера почувствовала, как сердце забилося быстрее.

— Когда?

— Давно.

— С папой?

— Да.

— Что там произошло?

Мать тяжело выдохнула.

— Мы приехали туда вместе. Он сказал, что хочет показать мне свою работу. Я думала, это будет обычная лаборатория. Но там были люди, которых я никогда раньше не видела. Они смотрели на меня так, будто я не должна была находиться в этом месте.

— И что ты увидела?

— Ничего особенного. Кабинеты, лаборатории, медицинское оборудование. Несколько пациентов. Врачи говорили, что проводят экспериментальное лечение.

— Какое?

— Я не знаю.

Вера почувствовала, как пальцы сжались вокруг телефона.

— Мам, ты видела, как лечили людей?

— Да.

— Они выздоравливали?

Мать долго молчала.

— Я видела женщину, которая не могла ходить без помощи. Через несколько дней она вышла из палаты сама.

Вера перестала дышать.

— Что?

— Она шла по коридору, держась за стену. Врач поддерживал её под руку. Она плакала. Говорила, что впервые за много лет чувствует свои ноги.

— И это был «Эдем»?

— Не знаю. Твой отец не называл это лекарством. Он говорил, что это новая терапия.

Вера закрыла глаза.

— Почему ты никогда не рассказывала?

— Потому что после той поездки твой отец сказал, что мы больше не должны обсуждать это дома.

— Ты согласилась?

— Да.

— Почему?

Мать ответила не сразу.

— Потому что я боялась.

Вера молчала.

— Я боялась за него, — продолжила мать. — За тебя. За Мишку. Я не понимала, что происходит, но видела, что твой отец меняется. Он стал нервным, плохо спал, постоянно проверял замки. Однажды я проснулась ночью и обнаружила, что он сидит на кухне с включённым светом. Он сказал, что больше не может участвовать в этом.

— В чём?

— В том, что они делали.

Вера почувствовала, как у неё пересохло во рту.

— Что именно они делали?

Мать заплакала.

Тихо, почти беззвучно.

— Я не знаю, Верочка. Я правда не знаю. Он никогда не рассказывал мне всего.

Вера сидела неподвижно.

Ей хотелось обнять мать, сказать, что всё будет хорошо, что они обязательно разберутся. Но она не могла обещать этого. Не могла даже сказать, что понимает, что происходит.

— Мам, — произнесла она наконец, — ты помнишь, когда вы ездили в «Север-4»?

— Осенью 2023 года.

Вера посмотрела на стол.

На нём лежали документы, фотографии и распечатка старой статьи.

17 октября 2023 года.

Дата публикации.

Дата, которая повторялась снова и снова.

— Спасибо, — сказала она.

— Вера, пожалуйста. Не езжай туда.

— Я должна.

— Ты не понимаешь, что можешь потерять.

Вера посмотрела на фотографию отца.

— Я уже потеряла его.

Мать ничего не ответила.

Они попрощались.

Вера положила телефон и долго сидела в тишине.

Теперь она знала, что мать была в «Север-4». Знала, что видела пациента, который после лечения смог ходить самостоятельно. Знала, что отец в какой-то момент решил прекратить участие в исследовании.

Но она всё ещё не знала, почему.

И что именно заставило его отказаться от работы, которой он, возможно, посвятил лучшие годы жизни.

В ночь на субботу Вера снова открыла ноутбук.

Она хотела проверить координаты комплекса, но вместо этого обнаружила новое письмо. На этот раз отправитель не скрывал имя.
Елена Левина.
Вера замерла.
Тема письма:
Андрей Соколов.
Внутри было всего несколько строк.
Вера Андреевна.
Если вы читаете это письмо, значит, вы нашли его записку.
Я не знаю, сколько времени у нас осталось, поэтому скажу только главное.
Ваш отец не умер от того заболевания, которое указано в свидетельстве.
Вера перестала дышать.
Она перечитала сообщение.
Потом ещё раз.
В комнате было так тихо, что она слышала собственное сердцебиение.
Следующая строка появилась не сразу. Письмо будто подгружалось частями, хотя интернет работал нормально.
Он умер потому, что отказался передать результаты исследования.
Вера почувствовала, как у неё подкосились ноги.
Она схватилась за край стола.
На экране появилось ещё одно предложение.
Если вы хотите узнать, что произошло на самом деле, приезжайте в «Север-4» завтра в полдень.
Ниже стоял адрес лабораторного корпуса.
И последняя строка:
Не берите с собой никого, кому вы не готовы доверить свою жизнь.
Вера сидела перед экраном, не двигаясь.
Она не знала, действительно ли письмо было отправлено Еленой Левиной. Не знала, почему та решила связаться с ней именно сейчас. Не знала, можно ли доверять человеку, которого никогда не видела, но чьё имя постоянно возникало в документах, связанных с исчезновением отца.
И не знала, что делать с Артёмом.
Она обещала ему, что они поедут вместе.
Теперь письмо требовало обратного.
Вера закрыла ноутбук и посмотрела на часы.
01:03.
До полудня оставалось почти одиннадцать часов.
За окном шёл снег.
Город спал, не подозревая, что где-то за его пределами стояло заброшенное здание, в котором, возможно, хранились ответы на вопросы, способные изменить представление человечества о медицине, власти и самой смерти.
Вера достала из сумки записку отца и положила рядом с ноутбуком.
Если со мной что-то случится, не верь тому, что тебе скажут.
Она прочитала эти слова ещё раз.
Потом перевернула листок и посмотрела на фамилию.
Левина.
Впервые за все эти дни Вера почувствовала, что находится близко к правде.
И именно поэтому ей стало страшнее, чем когда-либо прежде.

Потому что теперь она понимала: за каждым найденным документом стоял человек, который когда-то сделал выбор.

Отец.

Елена Левина.

Павел Громов.

Возможно, её мать.

И каждый из них знал что-то, чего не знала она.

Завтра, в полдень, Вера должна была встретиться с женщиной, которая могла рассказать ей, почему отец умер.

И почему мир до сих пор не знает о существовании «Эдема».

Она выключила свет.

Но сон так и не пришёл.

Глава 5. Люди, которые не должны были выздороветь

В субботу Вера проснулась за двадцать минут до будильника.

За окном было темно. Октябрьский дождь шуршал по стеклу, собираясь в тонкие дорожки, которые пересекались, срывались вниз и оставляли на подоконнике мутные следы. В комнате пахло остывшим кофе, чистым бельём и чем-то металлическим — так пахло после долгой ночи, когда слишком много думаешь и слишком мало спишь.

Артём лежал рядом, отвернувшись к стене. Его ладонь покоилась на её подушке, словно даже во сне он пытался удержать место, которое она занимала.

Вера смотрела на его руку.

Она знала эту руку. Знала маленький белый шрам на костяшке указательного пальца, оставшийся после неудачной попытки починить кухонный шкаф. Знала, как он потирает большим пальцем край ногтя, когда нервничает, и как складывает пальцы в кулак, когда хочет сказать что-то неприятное, но в последний момент решает промолчать.

Три года рядом с человеком превращают его в знакомую территорию. Ты знаешь, где у него болота, где леса, где дорога внезапно обрывается. Знаешь, куда лучше не сворачивать, если хочешь вернуться домой без ссоры.

Но иногда просыпаешься рядом с ним и понимаешь, что знакомая территория тоже может быть чужой.

Телефон лежал на тумбочке экраном вниз.

Вера перевернула его.

Письмо от Елены Левиной по-прежнему находилось в почте. Без фотографии, без подписи, без номера телефона. Только текст и адрес отправителя, состоящий из набора символов, который ничего не говорил о человеке по ту сторону экрана.

«Если вы хотите узнать, что произошло на самом деле, приезжайте в „Север-4“ завтра в полдень. Не берите с собой никого, кому вы не готовы доверить свою жизнь».

Вчера эта фраза казалась вызовом.

Сегодня она звучала как угроза.

Вера открыла письмо ещё раз, увеличила масштаб и внимательно посмотрела на заголовки сообщения. Она не была специалистом по цифровой безопасности, но пятнадцать лет работы с медицинскими документами научили её замечать мелочи, которые другие считали техническим шумом.

Время отправки — 23:17.

Почтовый сервер — зарубежный.

Маршрут сообщения проходил через несколько узлов, а часть технических данных отсутствовала. Это могло означать, что отправитель действительно скрывал своё местоположение. Или что письмо было сформировано так, чтобы имитировать такую осторожность.

Она не могла определить, кто его отправил.

Зато могла определить кое-что другое.

Вера открыла свойства сообщения и скопировала технические данные в отдельный файл. Потом сохранила письмо в формате, который позволял читать его без подключения к интернету, и сделала скриншоты.

Отец всегда говорил, что любой документ можно подделать, но не всякая подделка выдерживает проверку временем.

Тогда Вера считала это профессиональной привычкой.

Теперь начинала подозревать, что он говорил о собственной жизни.

— Ты опять не спишь?

Голос Артёма прозвучал так неожиданно, что она вздрогнула.

Он повернулся на спину и прищурился, пытаясь разглядеть её лицо в полумраке.

— Уже проснулась.

— В шесть утра в субботу?

— Не смогла уснуть.

Артём протянул руку, нашёл её запястье и потянул к себе. Вера позволила себя обнять, но не закрыла глаза.

— Сегодня поедем? — спросил он.

Она заранее придумала несколько ответов. Каждый казался плохим.

«Да, поедем вместе» — означало подвергнуть его опасности, если письмо не было обманом.

«Я передумала» — означало остаться без ответов и, возможно, потерять единственную возможность узнать правду об отце.

«Я поеду одна» — означало солгать человеку, с которым она делила квартиру, постель и планы на будущее.

Вера ненавидела ложь. Особенно ту, которую приходилось произносить людям, которых любишь.

— Я думаю, тебе лучше остаться дома.

Артём медленно убрал руку.

— Почему?

— Потому что в письме сказано ехать одной.

— А ты решила, что неизвестная тётка из интернета имеет право указывать тебе, с кем ездить?

— Я не знаю, кто она.

— Вот именно.

Он сел, свесив ноги с кровати, и провёл ладонями по лицу.

— Вер, давай попробуем посмотреть на это со стороны. Тебе пишет человек, который называет себя Еленой Левиной. Этот человек сообщает, что твоего отца убили из-за какого-то секретного исследования. Потом назначает встречу в заброшенном комплексе за городом и просит приехать без свидетелей. Это не выглядит как начало хорошего дня.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Или понимаешь, но тебе настолько нужны ответы, что ты готова не замечать очевидного.

Вера промолчала.

Потому что он был прав.

И потому что именно это пугало её сильнее всего.

Артём посмотрел на неё внимательнее.

— Ты боишься, что я тебе помешаю?

— Нет.

— Тогда почему не хочешь, чтобы я ехал?

Вера повернулась к нему.

— Потому что я не знаю, что там будет. И если всё это правда, то человек, который мне пишет, уже знает, кто я. Возможно, он знает, где я работаю, где живу, с кем встречаюсь. Я не хочу, чтобы ты оказался втянут в это только потому, что живёшь со мной.

— А если я сам хочу быть втянутым?

— Это не игра, Артём.

— Я и не говорил, что игра.

В его голосе не было раздражения. Только усталость, которую Вера замечала в последнее время всё чаще.

Он любил её. Она не сомневалась в этом. Но любовь не означала, что они одинаково представляли себе опасность. Артём предпочитал проблемы, которые можно было разобрать по частям, найти виноватого, написать заявление, позвонить нужному человеку. Вера же последние несколько дней чувствовала, как привычный мир медленно превращается в плохо склеенную декорацию.

Она не могла объяснить ему, что дело уже не в одной поездке.

Если она не поедет, то будет продолжать жить так, будто её отец умер от редкого заболевания, будто документы не исчезают из архивов, будто чужие люди не знают о её действиях раньше неё самой.

И каждое утро будет просыпаться рядом с Артёмом, притворяясь, что всё в порядке.

— Я хочу, чтобы ты остался, — сказала она. — Хотя бы сегодня.

Он долго смотрел на неё, затем встал и ушёл на кухню.

Вера услышала, как включился чайник.

И только тогда поняла, что солгала.

Не в словах.

В интонации.

Она не хотела, чтобы Артём остался дома.

Она хотела, чтобы он не задавал больше вопросов, потому что не знала, как ответить на них, не разрушив ту часть их жизни, которая ещё сохраняла видимость нормальности.

К девяти утра дождь прекратился.

Вера собрала рюкзак: документы, зарядное устройство, фонарик, бутылка воды, термос с кофе, аптечка и старый бумажный блокнот. Ничего особенного. Никаких вещей, которые могли бы выдать её намерения, если кто-нибудь решит заглянуть внутрь.

Перед выходом она остановилась у зеркала.

Обычное лицо. Светлые круги под глазами, волосы, собранные в небрежный хвост, бледная кожа. Человек, который собирается съездить за город по личному делу.

Ничего в её внешности не говорило о том, что она может оказаться последним человеком, способным выяснить, почему её отец умер.

Эта мысль показалась ей почти нелепой.

Последним человеком.

Она ведь не была ни журналистом, ни следователем, ни учёным. Не умела обращаться с оружием, не знала, как вскрывать электронные замки, и не могла отличить настоящую лабораторию от декораций в сериале.

Она умела работать с документами.

Проверять даты, находить несоответствия, сопоставлять записи, замечать отсутствие того, что должно было существовать.

И, возможно, именно поэтому кто-то решил, что она представляет опасность.

Вера достала из ящика старую визитку Сергея Крылова. На обороте она когда-то записала его номер телефона.

Набрала.

Он ответил после третьего гудка.

— Слушаю.

— Сергей Николаевич, это Вера Соколова. Простите, что звоню в выходной.

— Вы едете?

Она замерла.

— Куда?

— Не притворяйтесь, Вера. Вчера мне сообщили, что кто-то запрашивал старые документы по «Северу-4». А сегодня утром вы звоните мне в семь минут десятого. Я не настолько стар, чтобы перестать складывать два и два.

Она посмотрела на часы.

— Я хотела спросить, знаете ли вы, где находится вход на территорию комплекса.

На другом конце линии стало тихо.

— Кто вас туда пригласил?

— Елена Левина.

— Она лично вам звонила?

— Написала письмо.

Крылов шумно выдохнул.

— Покажите его кому-нибудь, кому доверяете.

— Я уже показала.

Это была первая ложь, произнесённая за утро без запинки.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда послушайте меня внимательно. Не заходите в подвальные помещения. Не подключайте свои устройства к местной сети. Если увидите людей в форме, не пытайтесь объяснить им, кто вы и зачем приехали. Разворачивайтесь и уходите.

— Вы так говорите, будто сами собираетесь там появиться.

— Я туда не поеду.

— Почему?

— Потому что однажды я уже решил, что могу всё исправить, если просто останусь рядом с правильными людьми.

— И что случилось?

— Я слишком долго оставался.

Вера сжала телефон.

— Сергей Николаевич, мой отец действительно умер из-за «Эдема»?

— Я не знаю, что именно стало причиной его смерти.

— Но вы знаете, что он не умер от того, что написано в свидетельстве.

— Я знаю, что в октябре 2036 года Андрей был жив, понимал происходящее и разговаривал со мной. Я знаю, что он не выглядел человеком, у которого осталось несколько дней жизни. Я знаю, что после его перевода из одного учреждения в другое мне запретили получать информацию о его состоянии.

— Почему вы ничего не сделали?

Вопрос вырвался прежде, чем Вера успела остановиться.

Крылов не рассердился.

— Потому что я испугался.

Он сказал это спокойно, без попытки оправдаться.

И от этого ответ оказался страшнее любой придуманной причины.

— Я много лет убеждал себя, что не мог ничего изменить. Что система была слишком большой, что документы исчезали по распоряжению людей, которых я никогда не видел, что любое действие привело бы к ещё худшим последствиям. Возможно, в чём-то я был прав. Но это не меняет главного.

— Чего?

— Я испугался. А ваш отец — нет.

Вера закрыла глаза.

— Что мне нужно знать о Левиной?

— Только одно. Если это действительно она, не верьте ей сразу.

— Почему?

— Потому что Елена была не только человеком, который хотел спасти пациентов. Она была человеком, который верил, что ради спасения одних иногда приходится принимать решения за других.

— Это звучит как то, что мог бы сказать любой руководитель закрытой программы.

— Именно поэтому я и прошу вас быть осторожной.

Он помолчал.

— И ещё, Вера. Если вы увидите там старые бумажные журналы, ищите записи с пометкой «наблюдение после выписки». Не клинические результаты. Не протоколы лечения. Именно наблюдение после выписки.

— Что в них?

— То, что происходило с людьми после того, как их объявляли здоровыми.

— Почему это важно?

— Потому что некоторые из них продолжали получать лечение. Хотя официально программа уже не имела к ним отношения.

— Какое лечение?

— Я не знаю. Или не могу доказать, что знаю.

— Вы мне не доверяете?

— Я не доверяю собственным воспоминаниям. Слишком долго я старался забыть то, что видел.

Вера услышала, как на его стороне щёлкнул какой-то выключатель.

— Мне пора, — сказал Крылов. — Если вы поедете, не опаздывайте.

— Почему?

— Потому что люди, которые назначают встречи в полдень, обычно очень внимательно следят за временем.

Он отключился.

Вера ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Потом открыла заметки и записала:

Искать: «наблюдение после выписки». Не доверять Левиной сразу.

И ниже, после короткой паузы:

Почему отец не боялся смерти? Чего он боялся на самом деле?

Артём сидел за кухонным столом, когда Вера вышла из комнаты.

Перед ним стояла чашка кофе. Он не пил его, только смотрел на поверхность, где тонкой коричневой плёнкой застыл остывающий напиток.

— Я вызову такси, — сказала Вера.

— Я могу отвезти тебя.

— Артём...

— Не спорю. Просто предлагаю.

Он поднял глаза.

— Ты всё равно поедешь, да?

Вера кивнула.

— Тогда хотя бы возьми мою машину. У тебя телефон садится быстрее, чем ты успеваешь сказать «я всё контролирую».

— Я возьму свою.

— У тебя зимняя резина ещё не поменяна.

— Я знаю.

— И запаска у тебя спущена.

— Я знаю, Артём.

Он откинулся на спинку стула.

— Ладно.

Это «ладно» прозвучало так, словно он не соглашался, а просто переставал бороться.

Вера подошла к нему и коснулась его плеча.

— Я позвоню, как только доберусь.

— Хорошо.

— И когда буду возвращаться.

— Хорошо.

— Если через три часа я не позвоню...

— Что?

Она не знала, как закончить фразу.

Если через три часа она не позвонит, он должен обратиться в полицию? Но с чем именно? С сообщением от неизвестной женщины, которая, возможно, не существовала? С исчезнувшей медицинской картой? С подозрением, что её отца убили люди, имевшие доступ к государственным базам?

— Просто попробуй мне позвонить, — сказала она.

Артём встал.

На секунду Вере показалось, что он сейчас обнимет её. Он действительно сделал шаг вперёд, но остановился, словно между ними внезапно появилось что-то невидимое.

— Ты понимаешь, что можешь мне всё рассказать?

— Да.

— И всё равно не рассказываешь.

Она не ответила.

— Тогда хотя бы не делай вид, что бережёшь меня, — тихо сказал Артём. — Это не одно и то же.

Вера взяла рюкзак.

У двери она обернулась.

Он стоял у окна и смотрел на мокрый двор. На стекле отражалось его лицо — чуть размытое, почти чужое.

— Я люблю тебя, — сказала она.

Артём не повернулся.

— Я знаю.

Вера вышла.

И впервые за три года совместной жизни не была уверена, что вернётся домой к человеку, который всё ещё захочет её ждать.

Дорога к «Северу-4» занимала около часа, если не было пробок и если навигатор не пытался отправить машину по старой объездной трассе.

Вера выехала из города в десять сорок семь.

Первые двадцать минут ничего не происходило. За окнами мелькали заправки, шиномонтажные мастерские, склады и небольшие придорожные кафе, в которых люди завтракали из пластиковых контейнеров, глядя в телефоны. Потом дома стали попадаться реже. Город распался на отдельные промышленные зоны, между которыми тянулись полосы мокрого леса.

Она включила навигатор, но адрес, указанный в письме, не определялся. Вместо него были координаты и короткая инструкция: «Съезд после старой водонапорной башни. Дальше по бетонной дороге до шлагбаума».

Вера заранее сохранила маршрут офлайн.

На всякий случай.

На экране телефона отображалась синяя линия, уходящая от основной трассы в сторону лесного массива.

Она посмотрела в зеркало заднего вида.

Серый автомобиль, который ехал за ней последние несколько километров, свернул на заправку.

Вера поймала себя на том, что ждёт, когда он снова появится.

Не появился.

Она выдохнула и попыталась сосредоточиться на дороге.

У водонапорной башни она свернула направо.

Бетонная дорога оказалась уже, чем на спутниковых снимках. По краям росла высокая трава, мокрая от дождя. В нескольких местах асфальт провалился, обнажив песок и щебень. Деревья нависали над дорогой, цепляясь ветками за верхушки кустов.

Через полтора километра появился шлагбаум.

Он был поднят.

Рядом стояла будка охраны с выбитым окном. На металлической двери висел выцветший лист, на котором ещё можно было разобрать слова «ОБЪЕКТ ЗАКРЫТ» и «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН».

Вера остановила машину.

На первый взгляд, территория выглядела заброшенной. За сетчатым забором тянулись заросшие дорожки, по которым когда-то ездили служебные автомобили. Дальше виднелись три корпуса: длинное административное здание, лабораторный блок с узкими окнами и низкая постройка, похожая на техническое помещение.

На фасадах сохранились номера.

Первый корпус.

Второй.

Четвёртый.

Третьего не было.

Вера посмотрела на фотографию, которую нашла в старом архиве. На снимке 2023 года за спинами отца и Елены Левиной виднелось то же административное здание. На его крыше стояла антенна, а перед входом росли молодые ели.

Теперь одна из елей сломалась и лежала поперёк дорожки. Вторая была выше крыши.

Тринадцать лет.

Для дерева — почти ничего.

Для учреждения, в котором могли решаться судьбы людей, — целая жизнь.

Вера вышла из машины и закрыла дверь.

Воздух пах сырой землёй, ржавчиной и хвойной смолой. Где-то далеко стучал металл, хотя ветра почти не было.

Она достала телефон.

Сеть была слабой, но сообщение Артёму отправилось.

«Я добралась. Всё нормально. Позвоню позже».

Она добавила к сообщению координаты, потом задержала палец над кнопкой отправки.

Ей хотелось написать что-то ещё. Например, что она не уверена, верит ли человеку, который её сюда позвал. Или что у неё странное чувство, будто она уже была здесь, хотя в последний раз приезжала сюда в детстве и почти ничего не помнила.

Но вместо этого она нажала «Отправить».

Телефон завибрировал почти сразу.

Артём: «Я всё равно думаю, что тебе не стоило ехать одной».

Вера не ответила.

Она убрала телефон в карман и направилась к административному корпусу.

У входа обнаружилась новая металлическая дверь. Она не соответствовала остальному зданию: тёмная, гладкая, без ржавчины и облупившейся краски. Над дверью висела небольшая камера.

Вера остановилась.

Камера была направлена прямо на неё.

Красный индикатор горел.

Она медленно подняла голову.

— Прекрасно, — пробормотала она.

Значит, комплекс не был заброшен.

По крайней мере, не полностью.

Вера нажала на кнопку звонка.

Ничего не произошло.

Она нажала ещё раз.

Из динамика раздался тихий треск.

— Назовите себя.

Голос был женским, низким, слегка хриплым.

Вера сглотнула.

— Вера Соколова. Я приехала к Елене Левиной.

На несколько секунд воцарилась тишина.

— Вы одна?

Вера посмотрела на пустую дорогу за спиной.

— Да.

— Это хорошо.

Щёлкнул замок.

Дверь открылась внутрь.

За ней оказался короткий коридор с белыми стенами и линолеумом. Внутри было теплее, чем снаружи, и пахло дезинфицирующим раствором. Свет горел не везде. По потолку тянулись старые кабельные каналы, но новые датчики движения были установлены совсем недавно.

Вера вошла.

Дверь за ней закрылась.

На стене висел электронный терминал. Экран загорелся, когда она приблизилась.

ПОСЕТИТЕЛЬ: СОКОЛОВА ВЕРА АНДРЕЕВНА.

Под именем отображалась дата рождения.

17 апреля 2010 года.

Вера отступила на шаг.

— Откуда вы знаете мою дату рождения?

Динамик щёлкнул.

— Потому что мы вас ждали.

— Кто — мы?

Ответа не последовало.

Вместо него из глубины коридора донёсся звук открывающейся двери.

— Идите прямо, — сказала женщина. — Вторая дверь слева.

Вера пошла вперёд.

На стенах висели таблички с названиями отделений, многие из которых давно перестали что-либо значить. «Клиническая диагностика». «Молекулярная терапия». «Отдел наблюдения». Некоторые таблички были сняты, и на их месте остались прямоугольники более светлой краски.

У одной из дверей она остановилась.

На металлической пластине было выгравировано:

ЭДЕМ. ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

Ниже кто-то процарапал острым предметом короткую фразу.

«НЕ ВСЕ ВЕРНУЛИСЬ».

Вера провела пальцами по буквам.

— Не трогайте, — сказала женщина из динамика.

Вера резко обернулась.

— Почему?

— Потому что это ничего вам не объяснит.

— А что объяснит?

— То, что вы увидите.

Вторая дверь слева была приоткрыта.

Вера постучала.

— Войдите, — ответил женский голос.

Комната оказалась небольшой лабораторией. Вдоль стен стояли металлические шкафы, часть из которых была закрыта на электронные замки. В центре располагался длинный стол, на котором лежали папки, несколько старых мониторов и прозрачные контейнеры с образцами.

У окна стояла женщина.

Короткие седые волосы. Худое лицо. Светлые глаза. Тонкий шрам, пересекающий левую бровь и теряющийся у виска.

Вера узнала её раньше, чем успела понять, почему уверена в своём узнавании.

Это была Елена Левина.

Та самая женщина с фотографии.

Только старше. Значительно старше, чем на снимке, который Вера видела в архиве. Вокруг глаз появились мелкие морщины, кожа на руках стала тонкой, а плечи казались слишком узкими для тяжёлого лабораторного халата.

Но взгляд остался прежним.

Спокойным и настороженным.

— Вы опоздали на три минуты, — сказала Левина.

— Я не знала, что вы будете засекаать время.

— Я не засекала. Я просто помню, когда люди приходят.

Она посмотрела на Веру так, словно пыталась сопоставить её лицо с другим, давно исчезнувшим из памяти.

— Вы очень похожи на отца.

— Мне это часто говорят.

— Он тоже говорил так, когда не хотел обсуждать что-то неприятное.

Левина указала на стул.

— Садитесь.

Вера осталась стоять.

— Сначала я хочу убедиться, что вы действительно Елена Левина.

Женщина чуть заметно улыбнулась.

— Разумно.

— Мне нужны доказательства.

— Какие?

— Любые, которые нельзя найти в интернете.

Левина задумалась.

Затем открыла ящик стола и достала фотографию.

Снимок был выцветшим, с загнутыми углами. На нём стояли трое: Андрей Соколов, Елена Левина и Павел Громов. За их спинами виднелась дверь лабораторного корпуса. Отец улыбался так, как Вера не видела его последние несколько лет жизни, — открыто, почти по-мальчишески.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.